

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

И. В. Чапыгин

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
(1920–1930-е гг.)**

Учебное пособие

УДК 9(51)(=820(075.8)
ББК ЕЗ(5Кит=рус)6я73
Ч-19

Печатается по решению по учебно-методической
комиссии исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Е. И. Лиштованный
доктор исторических наук, профессор С. И. Кузнецов

Чапыгин И. В.

Ч-19 Дальневосточная российская эмиграция (1920–
1930-е гг.) : учеб. пособие / И. В. Чапыгин. – Иркутск :
Изд-во ИГУ, 2013. – 94 с.

ISBN 978-5-9624-0979-5

Пособие представляет собой лекционный курс, прочитанный студентам исторического факультета ИГУ в 2007–2013 гг. Охвачены основные проблемы истории постреволюционной эмиграции 1920–30-х гг. в Маньчжурии, продолжена и развита тема дальневосточной ветви российской эмиграции, начатая в предыдущем курсе автора «Казачья эмиграция на территории Маньчжурии»,

Предназначается для студентов-историков и интересующихся историей России и российской эмиграции.

УДК 9(51)(=820(075.8)
ББК ЕЗ(5Кит=рус)6я73

Учебное издание

Чапыгин Игорь Викторович
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ (1920–1930-е гг.)

Редактор *Э. А. Невзорова*

Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2013 г. Поз. 215

Подписано в печать 17.12.2013. Формат 60×90 1/6

Уч.-изд. 4,5. Усл.-печ. л. 5,9. Тираж 100 экз. Заказ 222

Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN978-5-9624-0979-5

© Чапыгин И. В., 2013

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

Оглавление

Введение.....	4
Тема 1. Краткий историографический анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме	6
Тема 2. К вопросу о русском расселении на территории Северо-Восточного Китая и в полосе Китайской Восточной железной дороги к 1917 г.	17
Тема 3. Эмиграция из постреволюционной России в Китай и проблемы обустройства	35
Тема 4. Общественно-политическая жизнь российской эмиграции	45
Тема 5. Культурная среда российской эмиграции	64
Тема 6. Образование в эмиграции.....	73
Заключение	86
Контрольные вопросы по курсу	87
Рекомендуемая литература	88

Введение

Изучение истории российской эмиграции 1920–30-х гг. обусловлено масштабностью проблемы, массовостью и размахом миграционных процессов в XX в., их влиянием на политику, экономику, гуманитарную сферу почти всех стран мира.

На наш взгляд, изучение эмиграции 1920–30-х гг. на территории Маньчжурии позволит изучить историю всей русской эмиграции в указанный период, понять характер процессов, происходивших в этом русскоязычном анклаве. Полную и целостную историю российской эмиграции невозможно исследовать, не изучая историю восточной ветви эмиграции со свойственными ей мировоззрением, традициями, сложившимся укладом жизни.

Русскоязычное сообщество сегодня занимает по численности пятое место в мире, составляя значительную часть иностранцев, проживающих за рубежами своих государств. Российское руководство рассматривает «многомиллионную русскую диаспору – Русский мир – в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры», способствует «консолидации организаций соотечественников в целях более эффективного обеспечения ими своих прав в странах проживания, сохранению этнокультурной самобытности русской диаспоры и ее связей с исторической Родиной»¹.

Поэтому интеллектуальный и творческий потенциал российской эмиграции 1920–30-х гг., влияние на культуру, науку стран-реципиентов, опыт самоорганизации, сохранения национального самосознания, создания «инфраструктуры» русского мира, взаимоотношений с инациональной средой представляет особый интерес в силу своей значимости.

Учитывая актуальность темы, определим цель и задачи учебного пособия.

- На основе анализа историографических и других источников, показать социально-экономическую, политиче-

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г.

скую и культурную жизнедеятельность дальневосточной постреволюционной эмиграции. Тем самым углубить и систематизировать знания студентов о политической и социальной сущности отечественной эмиграции, об уникальном вкладе российских эмигрантов в историю отечественной и зарубежной культуры, помочь осмыслить трагическую судьбу беженцев из России.

- Рассмотреть процесс формирования русской колонии в Китае, её источники и основные проблемы существования.

- Изучить состав эмиграции в регионе.

- Выявить организации эмиграции.

- Исследовать культурную жизнь.

Территориальные рамки исследования охватывают Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Именно в этом регионе Китая нашли своё пристанище в исследуемый период массы бывших российских подданных, многие из которых были казаками. Выбор данного региона для исхода был подготовлен исторически и географически: задолго до революционных событий здесь уже складывалась русская диаспора, Северо-Восточный Китай лежал на пути разгромленных и отступающих белых армий, а также был недалеко от России, куда эмигранты вскоре планировали вернуться. Этому процессу способствовали схожие природно-климатические условия и относительно терпимое отношение к эмиграции местных китайских властей.

Данное учебное пособие продолжает и развивает тему дальневосточной ветви российской эмиграции, начатую в предыдущем курсе автора «Казачья эмиграция на территории Маньчжурии», рассматривая российскую эмиграцию комплексно, как единый русскоязычный анклав российского дальневосточного зарубежья.

Тема 1

Краткий историографический анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме

Историографию российской постреволюционной эмиграции (и в частности её дальневосточной ветви) составляют отечественные и зарубежные исследования.

Отечественную историографию можно условно разделить на два этапа – советскую (1920–80 гг.) и постсоветскую российскую или современную (1990-е гг. – начало XXI в.). Для первого этапа характерно применение марксистско-ленинской методологии, классового подхода в исследовании этой, прямо скажем, глубоко политизированной темы. Вместе с тем советские учёные пополнили фактологическую базу и исследовали ряд вопросов этой сложной проблематики. Для второго периода характерен отказ от главенства марксистской методологии, попытка преодоления классового подхода и поиск новых путей изучения истории российской эмиграции, основанных на цивилизационном подходе. Исследователи обратились к ставшим доступными эмигрантским источникам (мемуарам, периодике, документам организаций, переписке и т. д.), усилили внимание к человеку как основному преобразователю общества.

Зарубежную историографию российской постреволюционной эмиграции составляют труды, как российских эмигрантов, так и иностранных исследователей. Причем зарубежные российские авторы – это нередко бывшие участники белого движения, бойцы армий А. В. Колчака, Г. М. Семенова, В. О. Каппеля. Их труды (в большинстве это работы периода 1920–1950 гг.) широко отражают атмосферу эмигрантской жизни и дают большой фактический материал темы. Работы иностранных исследователей по истории российской эмиграции в Китае появляются в основном в 1990-е гг.

Первые попытки изучения истории российской постреволюционной эмиграции и оценки масштабов и характера складывающейся тогда зарубежной российской диаспоры в отечественной историографии появились уже в 1920-е – 1930-е годы. В это время в СССР были изданы книги В. Белова, Камского, Л. Владимирова, И. Лунченкова, А. Слободского, И. Калинина, А. Киржница, В. Аварина. В этих работах были рассмотрены различные стороны формирования белой эмиграции в первой половине 1920-х годов, в том числе ее дальневосточной ветви.

Так, автор В. Белов в книге «Белое похмелье», вышедшей в 1923 г., на базе доступного ему материала попытался дать обзор социального и политического состава, а также условий жизни русской эмиграции.

Психология, настроения и бытовые условия дальневосточной эмиграции отражены в изданных в этот период работах А. Киржница «У порога Китая» и В. Аварина «Независимая Маньчжурия».

В труде Камского «Русские белогвардейцы в Китае», изданном в 1923 г., дан первый анализ драматической судьбы оренбургских казаков во главе с генералом А. С. Бакичем в Китае, в районе Чугучака в 1920–1921-х гг.

Помимо отдельных публикаций о жизни и деятельности Зарубежной России в 1920-е гг., в условиях новой экономической политики, появился сборник статей «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией». Даже советские историки подчеркивали, что эмигрантские круги стремились учесть введение в Советской России НЭП и в соответствии с ней ревизовать свои программные установки.

Эти первые работы по истории российской эмиграции, отличает наличие большого фактического материала об условиях ее жизни и быта. В то же время это были не столько исторические исследования, сколько публицистические и мемуарные работы, причем нередко с явно политизированным и тенденциозным подходом к оценке жизни эмигрантов.

В 1930-е гг. в отечественной исторической науке господствовал сталинский догматизм. Это нанесло урон развитию исторической науки, из поля зрения вынужденно выпали

многие проблемы истории зарубежья, в том числе и изучение российской эмиграции. Развернувшиеся репрессии второй половины 1930-х отрицательно повлияли на состояние историографии постреволюционной эмиграции. Изучение темы казачества в течение двух десятилетий, с середины 1930-х до середины 1950-х гг., история жизнедеятельности российской диаспоры, в том числе казачества, оставалась закрытой для отечественных исследователей. В 1945–1946 гг. документы бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге (свыше 350 тысяч единиц хранения) были перевезены в Москву и размещены в ЦГАОР СССР. Это существенно расширило источниковую базу темы. Однако в условиях сталинщины продолжал оставаться строго ограниченный доступ исследователей к этим архивным материалам. Обстановка «холодной войны» и резко отрицательное отношение официальной советской пропаганды к российской эмиграции не давали возможности развернуть изучение темы. История зарубежной России по-прежнему игнорировалась, взгляды ее представителей сходу отвергались. Немногие советские публикации по проблеме в этот период носили в основном пропагандистско-обличительный характер событий тех лет.

Возврат к научному изучению проблематики в отечественной исторической науке наметился только с середины 1950-х гг., после XX съезда КПСС, когда наступил период «оттепели». Стал возможен доступ к некоторым материалам РЗИА, в котором хранились документы политической эмиграции постреволюционного периода. Так, в работах Б. Е. Штейна «Русский вопрос в 1920–1921 гг.» (1958) и Б. М. Шерешевского «Разгром семеновщины (апрель–ноябрь 1920 г.)» (1966) были рассмотрены вопросы создания ДВР (Дальневосточной республики), взаимоотношения японцев и атамана Г. М. Семенова. Однако эти труды содержали весьма неполные сведения и не давали широкой картины истории эмиграции.

Только в 1960-е гг. материалы по истории российской эмиграции начинают более или менее регулярно появляться на страницах советских изданий. Широкая панорама эмигрантской жизни была представлена в работах П. Шостаков-

ского «Путь к правде» (1960), Л. Любимова «На чужбине» (1963), Д. Мейснера «Исповедь старого эмигранта» (1963), «Миражи и действительность: записки эмигранта» (1966), Б. Александровского «Из пережитого в чужих краях» (1969). Воспоминания и думы бывшего эмигранта». В названных трудах российских реэмигрантов, которые следует отнести к мемуарной литературе, тем не менее, содержались весьма интересные и ценные наблюдения, авторские оценки жизни российской эмиграции, особенно культурной сферы и политических настроений. Литература такого рода стала важным звеном в историографическом изучении темы и придала новое дыхание развитию советской историографии последующего периода. Вместе с тем дальневосточной эмиграции в этих работах не уделяется сколько-нибудь заметного внимания.

В целом отечественная историография 1950–1960-х гг. лишь касалась некоторых сторон жизни эмигрантов. Но даже и там, положительные общеизвестные факты затрагивались поверхностно, а порой и просто игнорировались. К тому же история русского зарубежья, особенно дальневосточного, изучалась явно недостаточно.

В 1970–80-х гг. история белой эмиграции стала предметом исследования Л. К. Шкаренкова, В. В. Комина, Ю. В. Мухачева, А. Л. Афанасьева, Г. В. Барихновского, Г. Е. Иоффе и др. Из трудов этого периода по информативности следует выделить работы Г. Е. Иоффе, Ю. В. Мухачёва, Л. К. Шкаренкова, В. В. Комина. Эти исследования по содержанию можно разделить условно на два блока.

Первый – составляли труды, которые непосредственно не относились к судьбам граждан бывшей царской России и давали лишь отрывочные сведения о некоторых сторонах их жизнедеятельности. Сюда следует отнести монографию Г. Е. Иоффе «Крах российской монархической контрреволюции» (1977), а также совместную работу Ю. В. Мухачева и Л. К. Шкаренкова «Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны» (1980), отразившие борьбу бело-монархических подпольных организаций СССР против коммунистической власти. Авторами была определена роль зарубежных центров в активизации сил внутренней контрреволюции, стремившейся сорвать социалистические преобразования.

Ко второй группе публикаций можно отнести исторические труды, которые были посвящены судьбам Зарубежной России. Необходимо выделить изданные в 1977 г. труды В. В. Комина «Крах российской контрреволюции за рубежом», «Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом», в которых фигурирует «образ» эмиграции, создаваемый советской прессой на протяжении многих лет. Лейтмотивом этих исследований была политическая борьба, остальные аспекты проблемы (культурные, экономические и др.) оставались незатронутыми, как и дальневосточная ветвь эмиграции.

Несмотря на эти недостатки, вышеназванные работы давали немало ценного материала для изучения проблемы в целом. Они показывают места расселения эмигрантов, раскрывают антисоветские планы эмигрантских формирований, отношение Советского государства к вернувшимся эмигрантам. На наш взгляд, научные труды В. В. Комина стали рубежными в преодолении оторванности отечественной историографии от зарубежных исследований судеб русской эмиграции.

Заметным исследованием зарубежной России явилась монография Л. К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции» (1986), в которой автор очертил пути расселения русских беженцев за границей после окончания гражданской войны в западной части страны. Большую ценность при изучении отдельных сюжетов темы представляют сведения о материальных условиях жизни эмигрантского населения. Но сравнительно немного материала по истории дальневосточной эмиграции не позволило автору развернуть полномасштабную картину российской эмиграции.

Характеризуя отечественную историческую литературу 1970–80-х гг., следует отметить, что основное внимание в ней было сосредоточено на изучении краха реставраторских настроений наиболее правой части белой эмиграции, обреченности белоэмигрантского «активизма», двух тенденций в отношении к СССР среди российской эмиграции в 1920–30-е гг., раскола эмиграции на сторонников «пораженчества» и «оборончества» в конце 1930-х начале 1940-х гг. В связи с этим определенное место было отведено анализу деятельности

лидеров эмиграции, в том числе казачьих (П. Н. Краснов и Г. М. Семенов). Несмотря на несомненные достоинства этой научной литературы (использование эмигрантских фондов ЦГАОР СССР, опора на широкий круг эмигрантских изданий), она не сумела преодолеть односторонность оценки белой эмиграции. За рамками изучения осталась деятельность российской эмиграции, огромная подвижническая работа по сохранению культуры, обычаев и традиций своего народа, своего сословия. Не появилось и специальных исследований по дальневосточному зарубежью.

В 1991 г. определился новый рубеж российской историографии, изменившаяся внутрисполитическая обстановка в нашей стране вызвала активизацию дальнейшего изучения истории русского зарубежья.

В связи с открывшимся доступом к эмигрантским источникам, и с политической актуализацией данной исторической проблематики начался бум исследовательского интереса к судьбам русской эмиграции. Первыми шагами свободного от узкоклассового подхода исследования проблемы можно назвать книги В. В. Костикова «Не будем проклинать изгнание...» (Пути и судьбы русской эмиграции) (1990) и М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» (1994).

На рубеже 1980–1990 гг. и в 1990-е гг. появились исследования по истории дальневосточной ветви российской эмиграции. В. В. Сони́на, А. А. Худобородова, Г. В. Мелихова, Л. Ф. Говердовской, В. Ф. Печерицы, Е. П. Таскиной, А. Водопьянова, Л. С. Малявиной, О. И. Сергеева, В. Н. Фомина, Е. Н. Чернолуцкой, Е. Е. Аурелине, Г. И. Малышенко, Я. Л. Писаревской, У Нань Миня и др.

В книге В. В. Сони́на «Кра́х белоэмиграции в Китае» (1987) выделены и изучены этапы формирования и развития русской дальневосточной диаспоры, где основное внимание уделено исследованию связей белоэмигрантских организаций с японскими спецслужбами.

В 1994 г. Е. Н. Чернолуцкой опубликован сборник статей «Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность 1920–1945 гг.». Он написан на основе части рассекреченных фондов Государственного архива Хабаровского

края (ГАХК). Авторы сборника приводят интересные и малоизвестные страницы постреволюционной эмиграции – тактику и программные установки организаций и объединений, деятельность их лидеров в Маньчжурии (исторически сложившееся и используемое большинством исследователей наименование Северо-Восточного Китая).

Историография темы приросла исследованиями Г. В. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая» (1991), «Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг.» (1997), а также «Белый Харбин. Середина 20-х.» (2003), «Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925–1932» (2007).

Научную картину того, как на протяжении почти полувека, сохраняли свои русские корни харбинцы, подкрепленную многими ранее неизвестными источниками и личными воспоминаниями автора, дает Е. П. Таскина в работе «Русский Харбин» (1998).

Разноплановый и интересный материал содержит работа Л. Ф. Говердовской «Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.» (2000). Работая с архивными документами, автор анализирует общественно-политическую деятельность российской эмиграции Китая и ставит некоторые проблемы культурной жизни дальневосточного зарубежья.

Научные труды проф. Е. И. Тимониной «Национальная культура Русского Зарубежья (1920–1930-е гг.)» (1997), «Исторические судьбы русской эмиграции. 1920–1945-е гг.» (2000), вышедшие в конце 1990-х, затрагивают круг проблем, относящихся к русским беженцам, оказавшихся во многих странах Европы, Юго-Восточной Азии и Америки. Опора на разнообразные источники позволила автору очертить пути и судьбы белого движения за рубежом, выявить его особенности.

Конец 1990-х – начало 2000 гг., ознаменовались появлением научной литературы по самым различным аспектам русского зарубежья. Толчком явилась открытая публикация в печати ранее не доступных документов и фотографий из Центральных архивов ФСБ и СВР России, издание иллюстрированных сборников и словарей по истории российской

эмиграции. В центральных, сибирских и дальневосточных периодических изданиях, впервые получает широкое распространение тематика дальневосточной эмиграции, чему способствует открытие некоторых фондов сибирских и дальневосточных «спецхранов», передача ряда документов из них в свободный доступ.

Работы современных исследователей по различным аспектам жизнедеятельности дальневосточной ветви российской эмиграции и публикации дальневосточных авторов данного периода нашли свое отражение на страницах различных альманахов и журналов.

Н. Аблова в своей работе «Российская эмиграция в Китае (1924–1931 гг.)» (2000), опираясь на рассекреченные документы Государственного архива Хабаровского края (ГАКХ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), изучила деятельность Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), деятельность белоэмигрантских объединений.

Совместное исследование Н. Г. Дубининой и Ю. Н. Ципкина «Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции» (1996) также главным образом посвящено работе Харбинского беженского комитета. На основе статистических данных комитета исследователи рассмотрели удельный вес в русской диаспоре Харбина каждой социальной эмигрантской группы. Затронули деятельность Российской фашистской партии (РФП), которая образовалась в Харбине.

Работа М. В. Кротовой «Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914» (1995) посвящена начальному периоду развития города, после революции отторгнутого от России и ставшего одним из крупных центров Русского Зарубежья. В исследовании анализируется социально-экономическое положение Харбина, характеризуются условия торгово-промышленной жизни города, воссоздается картина взаимоотношений русского и китайского населения накануне массовой эмиграции российских белых армий и гражданского населения.

Автор Ю. Мельников в публикации «Русские фашисты в Маньчжурии» (1991) осветил деятельность фашистов в Северо-Восточном Китае периода японской оккупации. Много

внимания уделено фигуре лидера партии Константина Родзаевского. А. А. Хисамутдинов в работе «Русские в Дальнем – Дайрене» (1998) исследовал русскую диаспору российского (до русско-японской войны) города-порта Дальнего (Дайрена). Основное внимание автор уделил общественно-культурной жизни города 1922–1945 гг.

Дополняют и обогащают современную историографию диссертации У Нань Миня «Русская диаспора в Китае 20–30-х гг. XX в.» (2001), Е. Е. Аурелине «Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в.» (1994) и также ее труд «Российская диаспора в Китае» (2008), Я. Л. Писаревская «Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, сер. 1920-х – сер. 1930-х гг. (2001) осветила проблемы социально-политического состава российской эмиграции Северо-Восточного Китая, а также тему реэмиграции российских граждан в период 1920-х – сер. 1930-х гг.

Из последних вышедших трудов по теме можно назвать работы О. К. Антропова «Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). (2008), «История отечественной эмиграции (2011) и «Третий путь для России. Постреволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930 гг.» (2011) где автор выделил проблему разработки постреволюционными мыслителями концепции «третьего пути» развития России, альтернативного либерализму и коммунизму.

Эмигрантская историография темы берет свой отчет с 1920-х гг., когда за рубежом выходят книги П. Н. Краснова, П. А. Скачкова, С. Рытченкова, освещающие деятельность эмигрантских организаций в ряде западных стран (Франция, Болгария, Чехословакия, Германия).

Необходимо отметить, что в середине 1920-х – середине 1930-х гг. в Праге и Париже шло активное накопление и систематизация источниковой базы по эмиграции. Например, в правлении Казачьего союза в Париже была сконцентрирована значительная по объему переписка с десятками казачьих организаций, союзов и объединений многих стран мира, в том числе с казачьими союзами в Харбине и Шанхае. Эти источники явились прочной основой развития зарубежной ис-

ториографии в 1950–60-е гг., когда эмигрантская историография темы пополнилась новыми исследованиями. Это работы П. П. Балакшина, Л. Масынова, А. Н. Скрылова и Г. В. Губарева.

Так, П. П. Балакшин в своем труде «Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке» (1955–1957), опираясь на широкую источниковую базу, исследовал проблемы условий жизни эмигрантов в Китае, вопросы их адаптации и трудоустройства, взаимоотношения с местными властями. В его работе освещаются отдельные вопросы политической истории эмиграции в регионе, к сожалению, весьма скромно.

В 1980–1990-е гг. продолжается издание зарубежных эмигрантских трудов (главным образом в США и Австралии), посвященных российской эмиграции, в которых затрагиваются отдельные аспекты жизни эмиграции в Маньчжурии и Шанхае в 1920–40-е гг. Это труды В. Санникова «Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии» (1990) и Е. М. Красноусова «Русский Шанхайский полк» (1984).

Из зарубежной историографии российской эмиграции заслуживает особо внимания труд Дж. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945 гг.» (1992). Исследователь обращается к истории российской эмиграции Китая в контексте исследования процесса распространения в ее среде фашизма в 1920–30-е гг. Подробно рассматривается сотрудничество Бюро российской эмиграции (БРЭМ) с японскими спецслужбами, руководством Квантунской армией.

Из научных изданий, выпущенных за рубежом, заслуживает внимание труд «Записки Русской академической группы в США» (1994) и «Россияне в Азии» (1994).

В «Записки...» входят 15 основных статей, пять из которых посвящены теме «Русского Харбина». Сборник «Россияне в Азии» полностью посвящен дальневосточной эмиграции.

Огромный интерес китайских исследователей к проблеме российской эмиграции в Китае проявился почти одновременно с разработкой этой темы в российской исторической науке в постсоветский период. В этом плане заслуживает внимание труд китайского исследователя А. Ван Чжи Чена «История русской эмиграции в Шанхае» (переведен в 2008 г.).

Исследование интересно комплексным изучением истории политической, общественной и культурной жизни русских в Шанхае.

Таким образом, краткий историографический анализ отечественной и зарубежной литературы по истории российской эмиграции позволяет сделать предварительные выводы:

- С 1920 г. по настоящее время в отечественной и зарубежной историографии опубликовано несколько десятков научных работ по истории русского зарубежья, в которых нашла свое отражение тема постреволюционной эмиграции и ее дальневосточная ветвь.

- Тема дальневосточной постреволюционной эмиграции берет свое начало с 1920-х гг. В отечественной историографии она прошла ряд этапов, сопряженных со сменой общественно-политического устройства и методологических подходов. Только с конца 1980-х гг. она получает свое современное развитие. В последнее 10-летие дальневосточная ветвь эмиграции становится отдельной темой своего изучения.

- Зарубежная историография темы также берет свое начало с 1920-х гг. Она развивалась более динамично и в меньшей мере была подвержена идеологической и политической конъюнктуре, шире использовала источниковую базу и разнообразный методологический инструментарий.

- Достаточно неплохо изучены географические, социальные, экономические, политические аспекты темы. Слабо исследованы, на наш взгляд, социокультурные, психологические проблемы эмиграции, ее особенности в зарубежье, повседневная история.

Итак, впервые в отечественной историографии комплексно рассматриваются вопросы социально-экономической, политической и культурной жизнедеятельности эмиграции Северо-Восточного Китая (1920–30-е гг.). На основе анализа широкого круга источников освещён процесс формирования и консолидации эмиграции, проблемы адаптации и пути их решения. Создаётся целостная картина дальневосточной постреволюционной эмиграции Северо-Восточного Китая с ее образом жизни, ментальностью, оторванной от своей Малой и Большой Родины.

Тема 2

К вопросу о русском расселении на территории Северо-Восточного Китая и в полосе Китайской Восточной железной дороги

Появлению русского населения в Маньчжурии (устоявшееся наименование Северо-Восточном Китая) предшествовал ряд исторических событий и процессов, происходивших задолго до революции 1917 г., приведших к Гражданской войне и ставших причиной массового исхода военного и гражданского населения проигравшей белой стороны из областей Сибири и Дальнего Востока на ее территорию.

В XVII в. освоение русскими землепроходцами Сибири и Дальнего Востока открыло новый этап эпохи Великих географических открытий и способствовало превращению России в крупную тихоокеанскую державу. Россия проявляла большой интерес к восточному соседу Китаю, связи с которым до 50-х гг. XVII в. осуществлялась преимущественно при посредничестве среднеазиатского купечества [1]. Нерчинский договор 1689 г. положил начало официальным отношениям между Россией и Китаем. Начиная с 1693 г. русские казенные караваны довольно регулярно направлялись из Забайкалья в Китай (в период 1693–1719 гг. было организовано десять караванов) [2]. Нерчинск имел неоспоримые географические преимущества для русско-китайской торговли по сравнению с Тобольском и Томском и после нормализации положения на забайкальском участке границы этот край становится главным направлением для поддержания связей России с Китаем. В тексте Нерчинского договора было четко сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать» [3], т. е. любые конфликты должны были разрешаться путем переговоров. Надо добавить, что этот принцип стал фундаментом дальнейших отношений и договоренностей, а

торговля сыграла весьма важную роль в экономическом сближении двух соседних государств, во взаимном ознакомлении с обычаями и нравами их народов.

К середине 20-х гг. XVIII в. стороны приступили к установлению государственных границ, складывающихся по мере освоения народами, вошедших в состав России и Китая, приграничных территорий. Между двумя странами 20 августа 1727 г. был подписан Буринский трактат, а позднее, 21 октября 1727 г. был заключен Кяхтинский договор. С их подписанием, торговля между двумя странами была упорядочена, а ее объем значительно возрос по сравнению с предыдущим периодом.

Потребности обороны южных и восточных окраин, а также относительно небольшие расходы на содержание по сравнению с регулярными частями, побудили российское правительство сохранить подразделения служивых казаков в приграничных районах юга России, в Сибири и на Дальнем Востоке. В этот период делает, по сути, первый эволюционный шаг казачество Забайкалья. По переписи 1721 г. только в Нерчинском ведомстве на 476 служивых казака выявлено 1 410 родственников, которые имели формальное право на первоочередное верстание на службу, за счет чего происходил рост казачьего населения. Таким образом, появился наследственный принцип казачьей службы, что послужило началом появления казачьего сословия в Забайкалье, как организованной, мобильной военной силы по охране границы и поддержанию внутреннего порядка. В 1727 г. на границе с Китаем было учреждено 18 караулов, 2 форпоста, к 1728 г. их количество возросло до 31, началось строительство крепостей.

В 1763–1764 гг. обострились отношения с Китаем. Причиной послужило неудачное обращение к богдыхану, возшедшей на русский престол Екатерины II и предложившей обменяться посольствами. Китайскую сторону задела фраза Екатерины: «...Если покоя, верности, мира соблюдать вы не будете, то есть у нас и другие меры». Русскому правительству в ответ были посланы слова: «...Возможно ли, чтобы богдыхану равнялся кто-либо из самодержавных государей и меньше всего женщина, которая правит Россиию» [4] . В

1764 г. китайцы прекратили торговлю в Кяхте, изгнали русских купцов и прервали дипломатические отношения. Таким образом, замыслы присоединить к России Монголию и земли по Амуру не осуществились. К 1774 г. количество постов и караулов на границе с Китаем выросло до 74 единиц с охватом границы 2 343,5 версты. Большинство из них постепенно превращались в приграничные поселки и станицы.

Интерес к «амурскому вопросу» становится актуальным в очередной раз в XIX в., после того, как Великобритания добилась открытия в Китае пяти портов для торговых отношений. Это грозило упадком кяхтинской торговли, которая приносила России и Китаю миллионные прибыли. Последовательная позиция русского правительства, осуждавшего ведение Великобританией «опиумных войн» (1840–1842 и 1856–1860) против Китая, строгое запрещение ввоза в Китай опиума вызвали признательность цинской стороны. Все это не могло не сказаться на характере российско-китайских отношений, и создало необходимые внешние предпосылки для дипломатического решения вопроса об оставшихся неразмежеванными Приамурье и Приморье.

Важная роль в практическом решении этой проблемы принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Ему же принадлежит главная роль в создании Забайкальского казачьего войска в 1851 г., как щита от возможных посягательств Китая.

Поскольку в русских правительственных кругах сложилось мнение, что Амур в своих низовьях не судоходен и теряется в песках, а Сахалин полуостров, запирающий своим перешейком выход из современного Татарского пролива на юг, то ценность Амура и Сахалина для России ставилась под сомнение. Н. Н. Муравьев содействовал организации летом 1849 г. экспедиции капитан-лейтенанта (а впоследствии – адмирала) Г. И. Невельского, которая выяснила полную доступность Амура для морских судов и подтвердила островное положение Сахалина, отделенного от материка глубоководным проливом. Значение Амура для России, в связи с выходом реки к Тихому океану существенно возросло.

российско-китайскому Айгуньскому договору, подписанному 16 мая 1858 г. и ратифицированному правительствами обеих стран, левый берег Амура признавался принадлежавшим России, а правый, до р. Уссури, – китайским. Решение вопроса о принадлежности Приморья договор откладывал. Земли эти признавались временно находящимися в общем владении. По договору по рекам Амуру, Сунгари и Уссури могли плавать только русские и китайские суда. В 1858 г. Усть-Зейский военный пост был преобразован в г. Благовещенск, ставший центром вновь созданной Амурской области, ниже по течению Амура возникли военный пост Хабаровка (будущий Хабаровск) и другие русские селения. Для охраны новой юго-восточной границы, учреждения и обеспечения почтового сообщения по Амуру и Уссури, в 1858 г. было создано Амурское казачье войско, ядро которого составили забайкальские казаки, переселенные правительством в Приамурье и Приморье. Амурское казачье войско охраняло и русскую границу по Амуру.

Основная цель Айгуньского договора – разграничения по Амуру и признание за Россией его левой стороны – была достигнута. Европейские государства (прежде всего Англия и Франция) и Китай были вынуждены считаться с заселением Амура как со свершившимся фактом. Практически параллельно с заключением Айгуньского договора состоялось подписание российско-китайского Тяньцзиньского договора, который не противоречил уже подписанному Айгуньскому договору, намечая при этом широкую программу по уточнению линии границы между двумя странами, ее описание и составление карт смежных районов.

2 ноября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому граница устанавливалась на всем восточном участке по рекам Амур, Уссури, Сунгача, оз. Ханка и далее по горам до р. Тумыньцзян (граница с Кореей). На западном участке было намечено общее направление прохождения границы по озерам Зайсан и Иссык-Куль (потом она была уточнена Чугучакским протоколом 1864 г.) [5]. Присоединение к России Южно-Уссурийского края с его удобными гаванями и водными путями позволило русскому правительству во второй по-

ловине XIX в. возобновить заселение и хозяйственное освоение Дальнего Востока. Заселение Южно-Уссурийского края – самой южной части Приморской области началось с 1860 г. с создания здесь военных постов: Владивостокского, Новгородского, Новокиевского и др.

Айгуньский и Пекинский договоры, заключенные в результате мирных переговоров, завершили длительный процесс размежевания владений России и Китая на Дальнем Востоке и таким образом подвели итог важному этапу в истории их взаимоотношений в XVII–XIX вв.

В середине XIX в. из Китая в Приамурье дошли сведения о богатых золотых россыпях, обнаруженных в соседней Маньчжурии. С этого момента в приаргунских районах Китая стали возникать смешанные русско-китайские поселения старателей. Особого расцвета эта вольная золотодобыча достигла в 1880-е годы, чему способствовал весьма либеральный режим российско-китайской границы. В принципе, двусторонние соглашения не запрещали перехода российско-китайской границы подданными обеих империй в любом месте. Русский исследователь, перешедший границу в Хулунбуири в 1881 г. отмечал: «Пограничные жители пропускают через границу вполне беспрепятственно, причем не соблюдается никаких формальностей» [6].

Маньчжурия была огромным и богатейшим районом Китая. Ее площадь – 1 230 673 кв. км – в два раза превышала территорию соседнего Забайкалья, была равна Амурской и Приморским областям вместе взятым. Маньчжурия соответствовала по территории двум Франциям и была намного больше площади Франции, Великобритании и Италии вместе взятых, в три с половиной раза превышала размеры Японии.

Маньчжурия располагала богатейшими природными ресурсами. Значительная часть территории на севере и востоке была покрыта девственной тайгой, богатой пушным зверем; на западе лежали степи, где были исключительно благоприятные условия для животноводства: в них паслись десятки тысяч голов рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов; юг с плодородными почвами и теплым климатом был краем развитого земледелия. Маньчжурия славилась своим женьше-

нем, пантами и травой «ула», используемой для утепления обуви. Здесь успешно искали золото и речной жемчуг; охотники добывали ежегодно до 10 млн фазанов и 1млн шкурок тарбагана [7].

«Летом 1883 г. по Приамурью стали распространяться слухи о золоте, обнаруженном на территории Китая на речке с местным названием Желта. Эта речка, всего около 15 км длиной, была притоком Албазихи (правого притока Амура). Китайское название ее – Мохэ. Сюда хлынул поток золотоискателей. Возникло приисковое поселение, в котором жили русские и, конечно, китайцы, корейцы и др. Это был разношерстный и пестрый люд: коренные сибиряки, ссыльные поселенцы, беглые преступники, охотники за легкой наживой. Число старателей быстро росло, через год их насчитывалось уже 10 тыс. Народ этот – новая амурская вольница – не признавал ни русских, ни китайских властей, да и вообще никакого начальства, никаких законов. К концу 1885 г. ее население составляло около 20 тыс., в том числе 500 китайцев более 100 корейцев. Здесь появились магазины, рестораны, гостиницы, игорные и публичные дома, в которых спускались целые состояния, больницы, даже банки и часовня. Желтугинцы успели добыть примерно 500 пудов золота, большая часть которого ушла в Китай» [8]. Эти места получили название «Амурской Калифорнии» или «Желтугинской республики». Китай, встревоженный наплывом русских на свою территорию, направил в Мохэ войска. Российское правительство выпустило специальное воззвание с тем, чтобы прекратить переход своих подданных за китайскую границу для добычи золота, и послало людей вернуть старателей назад. Тем не менее, больше тысячи их остались глухи к голосу своего правительства и продолжали скрываться, что вызвало повторное применение военной силы со стороны китайцев. Поселение Желтуга было сметено с лица земли. В октябре 1892 около сотни русских старателей, перейдя границу, проникли в район между реками Морин-Гол и Дербул для добычи золота. Это вызвало новое вооруженное столкновение, русским пришлось оставить 23 строения, 8 домов, крытых берестой, 123 шурфа и 50 шахт [9].

Существование нелегальных поселков русских золото-добытчиков в Барге (северо-западной Маньчжурии), составляет первый яркий этап в истории освоения территорий соседнего государства.

К началу 1890-х гг. XIX в. русское правительство приняло решение строить Великий Сибирский железнодорожный путь, который был призван связать далекую окраину Российской империи с центральными районами страны. Решение вопроса было ускорено развернувшимися военными событиями на Дальнем Востоке. В 1894–1895 гг. вспыхнула японо-китайская война, закончившаяся тяжелым поражением Китая и показавшая серьезность агрессивного курса Японии. Военное усиление Японии на Дальнем Востоке происходило в условиях, когда дальневосточные области России оставались слабозаселенными, не была обеспечена их военная безопасность. События японо-китайской войны показали необходимость усиления России на востоке и оторванность Приморья и Приамурья от центральных районов страны. Стала ясна важность соединения Владивостока железнодорожным путем с Европейской Россией в кратчайший срок.

В 1896 г. был подписан секретный русско-китайский договор о союзе против Японии и постройке КВЖД (Китайской восточной железной дороги), которая пройдя через Северо-Восточный Китай, должна была напрямую соединить Сибирскую железную дорогу (от города Читы) с Владивостоком. Вслед за договором была заключена конвенция о предоставлении Цинской империей в аренду России портов Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний), расположенных на Ляодунском полуострове [10]. Тогда же в 1898 г. было принято решение о строительстве там храмов. В Порт-Артуре во имя Святителя Николая, а в Дальнем – храма во имя мученицы Александры, «дни празднования которых совпадают с радостными для всей России днями тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы» [11].

В задачи нашего учебного пособия не входит подробный анализ причин и обоснований строительства КВЖД, условий ее эксплуатации, но ясно одно, в пользу «маньчжурского варианта» находились вполне реальные экономические сооб-

ражения, а также весомые политические и стратегические цели. Именно строительство и эксплуатация дороги дало толчок дальнейшему освоению и развитию этой территории Цинской империи и положило начало второму этапу в истории формирования русской диаспоры в Маньчжурии.

Предварительные работы по сооружению КВЖД начались в 1897 г. одновременно в нескольких направлениях, в том числе из Читы на восток, для встречи с идущими из Владивостока строителями. В 1900 г. для сооружения станции, вокруг которой впоследствии возник китайский город Маньчжурия, прибыло 130 русских рабочих и инженеров и более 4 тыс. китайских рабочих из провинции Шаньдунь и Хэбэй.

Продуманная политика администрации в отношении местного населения, полное признание и поддержка его прав и интересов привели к быстрому росту доверия китайского населения к строителям КВЖД. В отношениях создалась атмосфера дружбы и сотрудничества, которые характерны для всего последующего длительного периода совместной эксплуатации дороги и жизни русской колонии в Маньчжурии в китайском окружении. Стоит вдуматься в следующий факт. Полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом в Китае, каких было много во всех его крупных городах, где иностранцы селились в изоляции от массы рядовых китайцев, жили только по собственным законам, имели свою полицию и консульский суд. Здесь по всей Северной Маньчжурии, русское и китайское население, являясь для большинства районов одинаково пришлым, селилось рядом, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при обживании новых мест. Располагая данными по истории Маньчжурии, можно утверждать, что жизнь русского и китайского населения в полосе отчуждения КВЖД в течение более чем 50-летнего «русского эпизода» в Маньчжурии (за исключением событий июля-августа 1900 г. – восстания ихэтуаней), проходила без эксцессов, без столкновений, тем более на расовой или религиозной почве. При этом, конечно, были мелкие споры и конфликты, которые разрешались с помощью учреждений – цзяошэцзюй (управлений по взаимным сношениям, или дипломатических

бюро, созданных инженером А. И. Юговичем). Это были смешанные местные русско-китайские коллегии, в которых рассматривались все недоразумения и вопросы, прямо или косвенно касающиеся нужд дороги, а также русских и китайцев, живших в полосе отчуждения. В эти бюро входили представители местной китайской администрации, а с русской стороны – лица, назначаемые главным инженером. Бюро являлись и смешанными судами, которые разбирали взаимные иски русских и китайских подданных. Строгая законность выгодно отличала эти учреждения от китайских судебных органов – ямыней, где приговор можно было купить за деньги.

Известно, что КВЖД обязательно выкупала у частных владельцев отчуждаемые для нужд дороги земли. Ширина отчуждаемой земли на перегонах между станциями устанавливалась в 40 сажень (по 20 в каждую сторону), но фактически была меньше: по 15 сажень с одной стороны и 18 – с другой (соответственно около 32 м и немногим более 38 м). Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные и разъезды – до 30 десятин (32,7 га).

Отчуждением земель поначалу ведал в управлении дороги особый отдел отчуждения, просуществовавший до 1912 г., когда его функции были переданы земельному отделу. Смешанные бюро, цзяошэцзюй, проверяли и утверждали все акты по отчуждению земельных участков, являясь, таким образом, представителями интересов китайской стороны. Эти организации были тем действующим связующим звеном, которое объединяло русских и китайцев в полосе отчуждения. Они просуществовали вплоть до 1920 г., пережив, таким образом, крушение Российской империи.

Русские строители дороги, как и все иностранцы в Китае, пользовались правом экстерриториальности. В соответствии со ст. 6 «Контракта на постройку КВЖД», в полосе отчуждения постепенно были созданы все обычные институты русской административной системы: полиция, в которой служили русские и китайцы, суд; предусматривалась и охрана дороги вольнонаемной стражей. В условиях развития в Маньчжурии хунхузничества (бандитизма) проблема обеспечения личной безопасности изыскателей и строителей КВЖД была

чрезвычайно актуальной. Общество КВЖД, согласно уставу, должно было само заботиться об охране дороги. Лучшим контингентом для такой охраны считались казаки, служившие на началах вольного найма. Они составили Охранную стражу КВЖД, первоначально это были пять конных сотен.

Восстание ихэтуаней (боксёров), перекинувшееся к лету 1900 г. на территорию Маньчжурии, нарушило дальнейшее планомерное строительство КВЖД и вынудило русских строителей выехать назад в Забайкалье. Для защиты дороги в Маньчжурию были введены регулярные русские войска. При проведении военных действий русская армия была вынуждена снести китайские пограничные заставы на Аргуни, и Китай потерял возможность охранять границу, что положило начало массовому переселению русских казаков на правый (китайский) берег пограничной реки вследствие нехватки своей земли под выпасы и сенокосы. Хотя в Восточном Забайкалье отсутствовали помещичьи хозяйства, но около 10 млн десятин земли принадлежало царскому дому Романовых – так называемые «кабинетские» земли, которые казаки были вынуждены арендовать. Район Барги, так называемое Трехречье (бассейн правых притоков Аргуни – Гана, Дербула и Хаула) был издавна знаком забайкальским казакам и привлекал своими естественными богатствами. Еще с конца XIX в., они перегоняли в Трехречье свои стада и табуны на пастьбу, заготавливали здесь сено и распахивали целинные земли. Находили подсобный заработок, охотясь за дичью и пушным зверем в таежных местах этого района, ставили здесь избы-землянки. Оседать на жительство казаки начали позднее, с 1906–1907 гг., но особенно интенсивно – после начала Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Таким образом, в начале XX в. земельный вопрос составляет основу русской эмиграции на китайский берег Аргуни.

Одним из последствий событий в Маньчжурии в период восстания ихэтуаней, явились реорганизация Охранной стражи и включение ее с 19 января 1901 г. в состав Особого Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи с доведением ее численности до 25 тыс. человек всех родов войск – конницы, пехоты и артиллерии. Корпус находился в

непосредственном подчинении министра финансов. Начальником округа до 1902 г. состоял генерал М. К. Дитерихс, (с именем которого впоследствии был связан заключительный этап гражданской войны на советском Дальнем Востоке, также в Охранной страже дороги в свое время служили: А. И. Гучков, А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов – ставшие известными политическими и военными деятелями России). В дальнейшем, проблему обеспечения безопасности КВЖД правительство России склонялось решать путем создания военных поселений в полосе отчуждения. Автором идеи выступил приамурский генерал-губернатор Гродеков. В докладной записке на имя императора он предлагал: «Заселить полосу отчуждения (КВЖД) русским элементом, способным найти силу хотя бы для первоначальной защиты линии от вооруженных нападений, так как охранная стража, разбросанная по всей обширной территории КВЖД, численно недостаточна в каждом ее пункте» [12]. Николай II одобрил инициативу и поручил военному ведомству, министерствам финансов и земледелия разработать проект создания казачьих станиц и солдатских слободок вдоль всех веток КВЖД. Первоначально предполагалось привлечь сюда тех же забайкальских казаков и подлежащих увольнению в запас нижних чинов экспедиционного корпуса регулярной армии. Им должна была выделяться земля, которую в 1903–1905 гг. Россия получила в концессию на правах длительной аренды из расчета по 3 тыс. десятин при каждой станции, в том числе и на западной линии. Желających нашлось не так уж много, хотя Общество КВЖД ежегодно выделяло на эти нужды 200 тыс. рублей подъемных, а государство освобождало их на десять лет от арендной платы за землю. К 1905 г. во всей Маньчжурской армии было зарегистрировано всего 2 518 таких поселенцев. В то же время переселяющиеся на правобережье Аргуни русские занялись привычной добычей золота, а также стали поднимать целину и пасти скот. К 1907-му г. только в Аргунском хошуне Барги (западная ветка КВЖД) уже насчитывалась тысяча дворов, в которых проживало пять с лишним тысяч русских.

К моменту ввода КВЖД в эксплуатацию, общее протяжение ее линий с ветками, станционными и карьерными путями составляло 3 189 км. Ее 107 станций очень скоро превратились в крупные развивающиеся поселки. Дорога выстроила в них к 1903 г. (год сдачи КВЖД в эксплуатацию) 294 061 кв. м жилых помещений, а к 1911 г. – 606 587 кв. м, т. е. 467,9 кв. м на 1 км главного пути. Общее число служащих на дороге определялось в 1903 г. в 39 112 человек, из которых русских было 18 123, китайцев – 20 948, австрийцев, итальянцев, швейцарцев и турок – 17, японцев – 17 и корейцев – 9. Стоимость КВЖД, включая сооружение порта Дальнего и города Дальнего, составила к 1903 г. – 318 640 236 золотых рублей. К 1906 г. возросла до 375 млн рублей. В последующие годы она выражалась суммой уже около 500 млн рублей [13].

Благодаря КВЖД в Маньчжурии образовались новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Харбин стал сердцем Маньчжурии. Харбин, современный четырехмиллионный центр провинции Хэйлуцзян, был спроектирован, заложен и превращен в город именно русскими инженерами, построен русскими и китайскими строителями, и появился на географической карте впервые в 1898 г. именно в связи со строительством КВЖД.

Существует традиционное представление, что первых русских и других представителей многонациональной Российской империи в Харбине в начальные годы его существования (1898–1903 гг.) было немного – «едва ли две-три тысячи». Это неверно. Огромный размах железнодорожного и городского строительства в начальный период требовал большого числа рабочих рук. Малонаселенная Северная Маньчжурия не могла удовлетворить потребность в рабочей силе, и постройка дороги привлекла сюда десятки тысяч русских и китайских рабочих из России и Северного Китая. Они и заселили край. Известно, что уже в 1899 г. в одном только Харбине насчитывалось около 14 тыс. выходцев из Российской империи. Причем это были различные ее национальности – русские, поляки, евреи, армяне, грузины и др. Часть приехала еще в составе изыскательских партий, другая – с обозами строителей. Таким образом, Харбин сразу стал складываться

как город многонациональный. Надо отметить, что за всю его историю, здесь не было никаких публичных проявлений национального антагонизма, всегда сохранялась исключительная национальная и религиозная терпимость. Это происходило, видимо, потому, что все выходцы из России в равной степени чувствовали себя пионерами этого пустынного и сурового края, разделяли сообща все трудности его освоения, все называли себя «россиянами», а еще может быть, и потому, что всем находилось дело, и никто никому не мешал. Несмотря на трудности, жизнь первых харбинцев-железнодорожников протекала в сравнительно хороших условиях. Труд квалифицированных специалистов хорошо оплачивался, они быстро обеспечивались благоустроенными казенными квартирами, пользовались привилегиями и льготами.

Харбин имел все условия, все необходимые предпосылки для быстрого и перспективного развития. Вскоре он стал важнейшим транспортным узлом мощной железной дороги, пересекавшей всю Маньчжурию и ставшей кратчайшим звеном Великого Сибирского пути. Город стоял на берегу важнейшей водной артерии Северной Маньчжурии – Сунгари. Окружавшие Харбин китайские населенные пункты – Ашихэ, Шуанчэнпу, Лалинь, Хулань (а позднее и другие, созданные дорогой населенные пункты производства товарного зерна) были удачно сложившимися центрами сельскохозяйственного, главным образом зернового производства и давали дороге огромное количество главных для КВЖД зерновых грузов.

Задуманный как административный центр полосы отчуждения КВЖД, через пять лет со дня основания города он насчитывал около 45 тыс. человек. Здесь было построено более 300 больших каменных зданий (тогда как большинство сибирских и дальневосточных городов были деревянными), появились первые автомобили и телефоны, электрическое освещение [14].

Русская колония города всеми силами старалась сохранить привычный уклад российской жизни. Активно возводились церкви и школы, открывались клубы и землячества, в 1903 г. стала регулярно выходить первая «большая» харбинская газета «Харбинский вестник».

К началу русско-японской войны Барга, или Хулуньбуир (западная часть Маньчжурии), и Харбин уже превратились в сравнительно крупные промышленные и торговые центры, выполнившие, роль тыла русской армии в ходе маньчжурской кампании.

С началом войны в Маньчжурию хлынула масса торговцев и предпринимателей, а также различного рода дельцов и спекулянтов, стремившихся воспользоваться конъюнктурой, столь благоприятной для развития предприятий и личного обогащения. Начали открываться и работать десятки крупных по тому времени предприятий таких отраслей промышленности, которых прежде либо вовсе не было, либо насчитывались единицы: паровые вальцовые мельницы, самые разнообразные заводы (винокуренные, пивоваренные, кожевенные), различные фабрики, механические, слесарные кузнечные мастерские и др. В «Историческом обзоре КВЖД» приводятся данные о том, что в 1907 г. на западном участке этой дороги насчитывалось всего 15 970 русских, в том числе в Маньчжурии – 5 577, в Чжайлоноре – 1 428, в Хайларе – 4 375, Бокэту (Бухэду) – 2 767, Чжаланьтуне – 1 643. К 1910 г. эта цифра возрастает до 17 061 человек, что составляет более 30 % от общей численности населения Хулуньбуирского аймака. По Восточной линии – 7 127 мужчин и женщин (из них на дороге служили 3 305) и 2 004 ребенка. На Южной линии 729 мужчин и женщин (в том числе служащих – 503 [15]. К 1910 г., поселков, имевших более 2 тыс. жителей (русских китайцев), было, кроме Харбина, семь: Маньчжурия, Хайлар, Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, станция Бухэду.

Таким образом, по подсчетам на основе имеющихся официальных статистических данных, к 1910 г. русское население Маньчжурии: линии и поселки КВЖД, казачье-крестьянское население Трехречья, Харбин (надо отметить, что после окончания русско-японской войны его население уменьшилось) составило порядка 70–75 тыс. человек. Маньчжурия стала даже неофициально именоваться Желтороссией. Не случайно, в 1909–1910 гг. на разных дипломатических уровнях рассматривались проекты ограничения свободного перехода границы [16]. Однако российско-китайская граница

так и осталась открытой, что подтверждает «Инструкция для несения службы пограничного надзора сотням, командированным на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморских областях 30 апреля 1910 г». В документе отмечалось: «Пограничные жители, переходящие и переезжавшие границу вне мест расположения таможенных учреждений не с торговыми целями... не должны подвергаться... ответственности за тайный переход границы и пропускаются беспрепятственно, при условии соблюдения полицейских требований, установленных местными административными властями» [17].

Постройка КВЖД не только оказала огромное позитивное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии, но и активно развивала самую широкую и разнообразную культурно-просветительскую деятельность в крае. Период 1906–1910 гг. был временем широкого развития в Харбине и на линии дороги сети русского начального и среднего образования. Открывавшиеся в массовом порядке школы, которыми заведовал, созданный учебный отдел КВЖД давали образование и русским и китайским детям. Движение за создание школ (в том числе специальных: технических, торговых и др.) приобрело широкий размах и позволяет утверждать, что именно в этом направлении – организации системы образования – культурно-просветительская деятельность русских людей в Маньчжурии проявила себя особенно ярко. Исключительное значение имела созданная здесь школьная база. Она приобрела авторитет в последующий период – в годы эмиграции. Выстроенная система обучения позволила русским детям в Маньчжурии, находясь в китайском и японском окружении, получить русское образование и воспитание, сберечь свой язык, национальную самобытность.

Аграрный вопрос, составивший одну из причин самовольного переселения людской массы на китайское правобережье Аргуни с начала XX в., получил свое продолжение в целом по всей Маньчжурии. До появления русских большинство современных зерновых культур, овощей и бахчевых культур в крае было неизвестно. Центрами русского земледелия в

Маньчжурии стали: город Дальний, станции Южной линии КВЖД, район Харбина, Хинганский, Хайларский и Трехреченский районы по Западной линии (где наряду с полеводством главной отраслью сельского хозяйства было животноводство). По станциям Восточной линии: Маоэршань, Эхо, Муданьцзян, Мулин, Пограничная развивалось садоводство и пчеловодство. Наряду с внедрением в сельское хозяйство края новой прогрессивной технологии, новых сортов и совершенно новых для Маньчжурии сельскохозяйственных культур КВЖД и созданное в 1912 г. Маньчжурское сельскохозяйственное общество уделяли самое пристальное внимание изучению ценного практического опыта китайского крестьянства. Плодотворное сотрудничество двух народов наиболее широко и раньше всего осуществлялось на почве Маньчжурии в самом прямом смысле этого слова. Крупные русские животноводческие хозяйства находились на станциях: Аньда, Сарту, Ламадяньцзы и далее на запад – в Чжаромтэ, Хаке, Хайларе, Маньчжурии, Трехречье.

К началу Первой мировой войны 1914 г. Маньчжурия и полоса отчуждения КВЖД активно развивались. Военный период также принес территории и КВЖД бурное экономическое оживление. В 1914 г., после начала военных действий, приграничные районы Китая превратились в центры закупок товаров для нужд армии. Русские практически монополизировали торговлю мясом, рыбой, фуражом, хлебом, кожей и шерстью, обеспечив быстрое развитие торговли и промышленности Маньчжурии.

Русское население Харбина, к началу Первой мировой войны составляло 43 500 человек (64,5 % общего числа жителей). Если в 1903 г. китайское население в городе преобладало, то к 1914 г. оно, не уменьшившись по абсолютным цифрам (примерно 28 тыс.), составляло 34,5 % общего числа жителей. Возросла доля промышленников и торговцев.

«Известия о начале войны было неожиданным и всколыхнуло глубокое патриотическое чувство русской колонии Маньчжурии. В крупных населенных пунктах прошли стихийные собрания и манифестации. Офицеры-заамурцы забрасывали начальство рапортами с просьбой отправить их на

фронт добровольцами. Такие же прошения подавались и молодыми гражданскими лицами...[18]. Собственно мобилизации русского гражданского населения в Маньчжурии и полосе КВЖД в этот период не проводилось. Можно предположить, что это было обусловлено позицией Д. Л. Хорвата (начальника КВЖД с 1903 г.), который был их противником, исходившим из необходимости сохранять экономическое влияние России в Маньчжурии. Когда же летом 1915 г. мобилизация по Маньчжурии была объявлена, она не распространялась на русских подданных, постоянно проживающих в полосе отчуждения, и на служащих дороги.

Таким образом, подводя итог второму периоду существования русского населения в Маньчжурии (Северо-Восточном Китае), оканчивающегося революционными событиями 1917 г. в России, приведшими к крушению Российской империи и гражданской войне, можно утверждать, что территории восточного соседа России – Китая, к этому периоду активно осваивались легальными и нелегальными способами. Первые – были связаны с постройкой и вводом в эксплуатацию КВЖД, как русско-китайского предприятия, с русско-китайским персоналом и обслуживанием, что повлекло за собой основание множества городов и поселков линии КВЖД со смешанным русско-китайским населением. Вторые – с самовольными переходами русско-китайской границы забайкальских казаков и основанием ими хуторов и заимок, а потом и поселков в междуречье Аргуни и Амура – район Трехречья. И если на дипломатическом уровне, русско-китайские отношения всегда оставались достаточно напряженными, и официальное положение россиян в Маньчжурии рассматривалось как нарушение суверенных прав Китая, то в отличие от официального уровня, отношения между русским и китайским населением были более дружественными и основывались на прочных хозяйственных связях. Это подтверждается отсутствием серьезных конфликтов и столкновений и позволяет говорить о достаточно мирных отношениях в указанный период.

Примечания

1. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М. : Наука, 1974. С. 123.
2. Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII веке. М. : Наука, 1980. С. 261.
3. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004. С. 28.
4. Курц Ю. Ф. Казачья доля. Чита, 1995. С. 37.
5. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М. : Весь Мир, 2013. С. 47.
6. Манакин М. Описание пути от Старо-Цурухайтуевского караула до г. Благовещенска // Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Вып. 3–4. 1988, 1901. С. 4.
7. Серебренников И. И. Очерки экономической географии Китая // Вестн. Азии, 1925. № 53. С. 5.
8. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 23
9. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита : РИС ЗабГПУ, 2003. С. 194.
10. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 5. Л. 1–2.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 179. Д. 1277. Л. 1.
12. Тарасов А. П. Указ. соч. С. 198.
13. Мелихов Г. В. Указ. соч. С. 55–56.
14. Кротова М. Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №1. С. 126.
15. Нилус Е. Х. Исторический обзор КВЖД. Харбин, 1922. С. 621.
16. Дацьшен В. Г. Очерки истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. Кызыл, 2001. URL: <http://www.tuad.nsk.ru>.
17. Тарасов А. П. Указ. соч. С. 200–201.
18. Мелихов Г. В. Указ. соч. С. 301–305.

Тема 3

Эмиграция из постреволюционной России в Китай и проблемы обустройства

Формирование восточной ветви российской эмиграции на территории Китая было тесно связано не только с самовольным заселением казачеством китайского правобережья Аргуни в конце XIX – начале XX в. строительством и функционированием КВЖД (Китайской Восточной железной дороги), но и с более поздним окончанием Гражданской войны на территории Сибири и Дальнего Востока.

Период самого массового существования русской колонии в Маньчжурии пришелся на постреволюционные события 1917 г., крушение Российской империи и значительное увеличение русского населения в Китае в период 1917–1922 гг. за счет отхода разбитых белых армий, казачества и гражданского населения с территории России.

В конце 1919 – начале 1920 г. одновременно с кризисом Омского правительства, его падением, и прибытием в Забайкалье каппелевцев, а также членов их семей в Маньчжурию, началась первая, по-настоящему массовая волна исхода русских гражданских и военных беженцев на территорию соседнего Китая. Вторая волна в рамках этого периода последовала в октябре 1920 г. (с падением власти атамана Семенова в Забайкалье). Третья – в конце 1922г. – с окончанием гражданской войны на Дальнем Востоке.

В марте 1920 г. Оренбургский отряд генерала Бакича, входивший в состав Семиреченской армии атамана Анненкова (свыше 10 тыс. бойцов, не считая беженцев) оказался прижат к китайской границе силами красных частей и после переговоров с китайскими властями, совершил переход китайской границы у г. Чугучак [1] (городской уезд Тачэн на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, административный центр округа Чугучак. – *Прим. автора*).

Назначенный А. Колчаком генерал-губернатором Семиречья А. И. Дутов с личным конвоем и оренбургскими казаками (порядка 1 600 человек) перешел русско-китайскую границу и был интернирован у г. Кульджа (городской уезд в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, административный центр Или-Казахского автономного округа. – *Прим. авт.*).

Эти воинские соединения с примкнувшим к ним гражданским населением к 1922 г. рассеялись окончательно: часть офицеров, солдат и казаков ушла на Дальний Восток, часть вернулась в Советскую Россию, часть разъехалась по линии КВЖД и городам Китая: Харбин, Тяньцзин, Пекин и Шанхай.

Большинство же воинских частей и гражданских беженцев покидали Россию восточнее, через границу с Маньчжурией. Первый крупный исход пришелся на 1920 г., когда рухнул режим Колчака (январь – март), и остатки семеновской и каппелевской армии под ударами Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) и партизан были вынуждены оставить к концу октября Читу и отойти к станции Мацевской (ноябрь 1920 г.) близ границы с Китаем. После длительных переговоров, власти Маньчжурии дали разрешение на перевозку вышедшей из Забайкалья Дальневосточной белой армии по КВЖД в Приморье. В процессе переброски этой армии, проходившей с декабря 1920 г. по январь 1921 г. через Маньчжурию по КВЖД, из Забайкалья выехало свыше 25 тыс. человек как военных, так и гражданских лиц. Численность армии по прибытии в Приморье составляла менее 20 тыс. человек. С 16 по 31 января 1921 г. во время эвакуации из Забайкалья через китайскую границу перешло 8 511 офицеров, 16 289 солдат, 7 731 лошадь и 855 повозок [2]. Некоторому количеству бойцов удалось рассеяться по Маньчжурии при проезде через Харбин и другие крупные населенные пункты железной дороги. Это сделали те военнослужащие, кто не хотел воевать дальше, или те, у кого были по линии дороги родные, знакомые и друзья, у которых можно было найти кров и убежище на первое время.

Значительное число забайкальских казаков перейдя границу с белыми воинскими частями покинуло эшелоны на станции Хайлар и ушли в Баргу (Хулуныбуир), в район Трех-

речья. Там они присоединились к своим землякам, которые двумя-тремя годами ранее перешли китайскую границу, осели на освоенную здесь землю, покинув, таким образом, пределы родной страны, потрясаемой длительной гражданской войной.

Большинство перебрасываемых в Приморье бойцов Дальневосточной белой армии были родом из Приуралья, с берегов Волги и Камы. Это были знаменитые ижевцы и воткинцы – бывшие рабочие известных уральских заводов, – уфимцы, а также камцы, волжане, уральцы, не принявшие власти советов. Значительно меньше бойцов было из Западной Сибири, и совсем немного – уроженцев Средней Сибири. В свою очередь, японское командование при содействии китайских властей, организовав переброску через Маньчжурию каппелевских и семеновских войск в Приморье рассчитывало использовать их в борьбе против Дальневосточной республики (ДВР) и, прежде всего, для создания антисоветского прояпонского буфера на оккупированной территории Приморья.

В августе 1921 г. вооруженные силы белогвардейцев делились на две большие группы: белоказачьи части атамана Г. Семенова и каппелевские войска под общим командованием Г. Семенова. По решению Военного Совета вся белая армия была разделена на три корпуса: 1-й Забайкальский, 2-й и 3-й пехотные. Численность этих частей была следующей:

1-й Забайкальский корпус (6,5 тыс. человек, командир корпуса генерал В. А. Кислицын); Дикая дивизия (до 2 тыс. человек, командир дивизии барон Р. Ф. Унгерн); Отдельный Маньчжурский отряд (до 1,5 тыс. человек: в основном офицеры; командир генерал Шемелин); Монголо-Бурятская дивизия (до 1 тыс. человек; командир дивизии генерал А. И. Тирбах); Забайкальская казачья дивизия (до 1,5 тыс. человек; командир дивизии генерал Т. И. Артамонов), курсанты Читинского военного училища (до 640 человек всех родов оружия; начальник генерал Тирбах) [3].

2-й корпус (3,5 тыс. человек: в основном остатки армии генерала К. В. Сахарова и часть армии генерала В. О. Каппеля; командир корпуса генерал Р. К. Бангерский) [4].

3-й корпус (до 4 тыс. человек: в их числе армия генерала А. Н. Пепеляева и части армии В. О. Каппеля; командир корпуса генерал Г. А. Вержбицкий) [5].

Кроме основных сил в Амурском, Троицкосавском-Ургинском, Акшинском и Маньчжурском районах находились отряды белоказачьих частей всех родов вооружения в примерном количестве 4 тыс. человек.

К декабрю 1921 г., т. е. к началу наступления белогвардейцев под командованием генерала Молчанова из Приморья против ДВР, белая армия в целом сохраняла свой трех корпусной состав и численность порядка 16–17 тыс. человек. Изменения были незначительны.

Последовавшие в новом 1922 г. наступление НРА и одержанные ею победы под Волочаевкой, Спасском, Монастырищем и другими населенными пунктами вынудили эвакуироваться из Приморья японские войска и белые соединения. На территорию Китая из Приморья перешли Сибирский казачий корпус (в основном казаки Урала и Западной Сибири) под командованием оренбуржца генерала В. А. Бородина и Дальневосточная казачья группа (в подавляющем большинстве казаки Дальнего Востока и остатки Дальневосточной Забайкальской армии) под командованием сибирского генерала Ф. Л. Глебова. Основная часть Сибирского казачьего корпуса перешла границу у г. Хунчуна (городской уезд Яньбянь-Корейского автономного округа китайской провинции Гирин, расположенный у границы с Россией (Приморский край) и Северной Кореей (Хамгён-Пукто). – *Прим. авт.*), была разоружена по требованию китайских властей и размещена около городов Гирина и Мукдена. Часть из них сразу вступила в находившиеся на территории Маньчжурии белогвардейские организации генералов Шильникова и Сычева, другая расселилась по линии КВЖД, Северной Маньчжурии и Трехречью, пополнив сформировавшуюся там ранее русскую диаспору [6].

Беженцы из России селились вдоль всей линии КВЖД, но особенно много их было в Харбине, который стал центром северо-восточной российской эмиграции. Численность выходцев из России, покинувших страну в годы революции и гражданской войны, трудно поддается определению. Архив-

ные документы и литература содержат весьма противоречивые данные, что связано с активным перемещением эмигрантов и отсутствием тщательного учета.

По мнению большинства исследователей, количество российских беженцев в Китае в начале 1920-х гг. достигало 200 тыс. человек [7]. В докладе представителя Лиги Наций «О положении белой эмиграции», составленном в 1929 г., сказано, что в 1917 г. в Китае насчитывалось 53 310 русских, а в 1918 – 59 719, в 1919 – 147 170 человек. В 1922 г. число эмигрантов из России увеличилось еще на 28 477 человек [8]. По современным подсчетам исследователя О. И. Сергеева, в начале 1920-х гг. в Китае их было 500 тыс. человек [9]. По данным исследователя В. Аварина, в начале 1930-х гг. в Маньчжурии проживало 36 млн человек, из них 150 тыс. граждан СССР, 100 тыс. эмигрантов и около 15 тыс. россиян, принявших китайское гражданство [10]. Известный китаевед Г. Мелихов на этот счет пишет: «Численность российской колонии в Маньчжурии в ноябре 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, составляла приблизительно 100–110 тыс. человек трудоспособного мужского населения (в том числе 25 тыс. солдат и офицеров, занятых в охране дороги), а вместе с членами их семей не менее 200–220 тыс. человек» [11].

В 1918–1922 гг. наряду с прибытием новых партий беженцев, скорее всего, имел место значительный отход русского населения из края вследствие колчаковских мобилизаций, формирования здесь белых отрядов Семенова, Орлова и др. Следует учитывать и обратно уехавших в Сибирь, реэмиграцию русских в другие страны. Динамика движения русского населения может быть представлена в следующем виде: число беженцев, как указывалось выше, значительно возросло в результате падения Омского правительства (1919 г.) общего поражения белого движения и победы Советской власти в Забайкалье (1920 г.) и на Дальнем Востоке в целом (1922 г.). Данные о русском населении г. Харбина и линий КВЖД (т. е. в ее полосе отчуждения) на 1 января 1921 г. приводит Земельный отдел КВЖД: в Харбине – 165 857 человек, на Западной линии – 69 780 человек, на Восточной – 42 614 человек, на Южной – 9 972 человека. Всего – 288 225 человек

[12]. По данным переписи, проведенной в Харбине в мае 1922 г., численность его русского населения превышала 200 тыс. человек [13]. В октябре – ноябре 1922 г., последовал новый большой приток беженцев в Маньчжурию из соседнего Приморья. После объявления 3 ноября 1921 г. ВЦИК Советской России амнистии рядовым участникам белогвардейских военных организаций около 100 тыс. человек вернулись из Маньчжурии в Россию. В начале 1920-х гг. имела место широкая реэмиграция русских из Китая в США (только в 1923 г., например, она составила около 10 тыс. человек), в том числе студентов и абитуриентов харбинских средних школ – для продолжения образования: а также неучтенное число в Южную Америку, страны южных морей, Австралию и Европу. В течение всех 1930-х гг. имел место обратный процесс: в Маньчжурию и в Китай прибывали бегущие от коллективизации и раскулачивания тысячи беженцев из Забайкалья и Приморья.

Таким образом, численность русской диаспоры, на всем протяжении ее существования в Северо-Восточного Китае, не оставалась постоянной величиной. Наиболее близкой к истине, с учетом реэмиграции и репатриации 1920-х гг., по всей видимости, является цифра 250–300 тыс. человек. С данной цифрой соглашаются большинство исследователей темы.

Поздний по сравнению с миграцией на Запад и «остаточный» характер восточной эмиграции отразился на ее социальном составе. Как отмечал известный тогда писатель и журналист В. Н. Иванов, поселившиеся в Харбине семьи известных аристократических родов России – князей Львовых, Ухтомских, Голицыных, Воейковых и др., вскоре в поисках более комфортных условий жизни в основном его покинули. Остались и пытались адаптироваться к местным условиям те, кому не на что и некуда было ехать [14].

В процентном соотношении наибольший приток эмигрантов наблюдался в 1920 (29,2), 1922 (29,4) и 1923 гг. (11,2). Среди изучаемой совокупности диаспоры назвались русскими 86,5 %, татарами – 7,1 %, поляками чуть более 1%, башкирами – около 0,5 %. Имелось также незначительное число ук-

раинцев, белорусов, евреев, китайцев, бурят, немцев, армян. Более 3 % эмигрантов не указали свою национальность.

В свою очередь, удельный вес крестьян (44,8) и казаков (17,5) в дальневосточной ветви эмиграции, был хоть и ниже (62,3 % от всей диаспоры), чем их доля по всей Русской эмиграции (77,5 %) (50), но являлся весьма высоким, поскольку отражал в определенной мере политические настроения и поведение казаков и крестьян указанных регионов в годы революции и Гражданской войны. Эта часть населения на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке состояла в основном из середняков и зажиточных. (На Дальнем Востоке, например, среднее и зажиточное крестьянство насчитывало 67 %, тогда как в центре страны – 35 %) [15]. К мещанам себя отнесли – 9,5 % эмигрантов. Доля рабочих (главным образом из Перми, Ижевска и Воткинска) составила 6,4 %. Дворяне (беженцы из Петрограда, Москвы, Киева и других городов) – 3,6 %. Высшее офицерство, крупные коммерсанты, высокопоставленные чиновники, члены их семей – 2,35 %. Не указали свое сословие – 10,9 % анкетированных (возможно чиновники и интеллигенция).

В целом приведенные данные о социально-сословном составе русской диаспоры Северо-Восточного Китая (основывающиеся на анализе анкетных карточек, хранящихся в фондах Государственного архива Хабаровского края) показывают наличие в ней всех социальных слоев дореволюционной России. Большой удельный вес крестьянства и казачества объясняется сложным комплексом социально-экономических, политических, военно-организационных, социально-психологических факторов. Вооруженные силы противостоящих режимов формировались главным образом за счет представителей низших социальных групп, которые и вынесли на себе основную тяжесть Гражданской войны. Поэтому поражение одной из сторон вызвало автоматическую эмиграцию не только представителей проигравшей сражение за власть и собственность элиты, но и сотен тысяч людей, втянутых в события вопреки их желанию.

Революция и Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке внесли серьезные изменения в жизнь русского населения соседней Маньчжурии. Политические изменения, лом-

ка сложившихся экономических связей между регионами, волны беженцев, прибытие сюда большого числа солдат и офицеров белых армий, фактический паралич работы КВЖД, всегда ранее являвшейся экономическим нервом края, – все это значительно осложнило и ухудшило материальные условия жизни русских старожилов полосы отчуждения железной дороги. Это не могло не отразиться самым тягостным образом и на судьбе прибывших сюда многочисленных беженцев.

Перед подавляющей массой беженцев сразу же по прибытии в Китай встали проблемы быта, устройства своей, пусть временной, как они полагали, жизни в чужой стране с ее глубокими расовыми, религиозными, нравственными и бытовыми различиями в сравнении с тем, что было на Родине, с чем приходилось сталкиваться когда-либо ранее. Большинство вынужденных переселенцев смотрело на свое пребывание в Китае как на временное – на полгода-год, – надеясь вскоре, когда все «нормализуется», вернуться назад, в Россию, к своей прежней привычной жизни. И пока только малая часть, наиболее политически дальновидных, отдавала себе отчет в том, что все произошедшее с ними – надолго. Однако даже «временное устройство» было серьезной проблемой.

Среди российских эмигрантов, проживающих в Маньчжурии, образовалось два пласта населения. Первый состоял из русских людей, которые прибыли в Маньчжурию еще до революции и гражданской войны в России. Они относительно безболезненно адаптировались и перешли в эмигрантское состояние автоматически. Другой пласт образовали беженцы из России, прибывшие в Маньчжурию по мере крушения белой армии и фронтов. Вот этот-то пласт населения и принял всю тяжесть первоначальных проблем адаптации.

Незнание и трудности освоения восточных языков, незнакомая культура и среда обитания, невозможность конкурировать с местным населением на рынке труда по причине крайней дешевизны рабочей силы, политическое бесправие – вот далеко не все, что характеризовало положение вновь прибывших беженцев в Китае.

Бесспорно, наличие здесь в Маньчжурии русской диаспоры облегчало адаптацию вновь прибывших русских. В наи-

более выгодном положении оказались разного рода предприниматели и коммерсанты у которых в Маньчжурии были предприятия, фирмы, магазины и которые сумели перевести сюда часть своих капиталов из России. Часть же казачества и крестьян прибыв в эмиграцию дополнили уже сложившиеся центры казачьего расселения на территории Барги (Трехречье), начали основывать новые поселения и станицы занявшись привычным сельскохозяйственным трудом.

Особую группу представляли, на наш взгляд, рядовой и низший командный состав российской армии и казачества, большинство из которого все последние годы не выпускало из рук оружия (многие с 1914 г.) и уже успело позабыть свои гражданские профессии и трудовые навыки. Этой группе приходилось в эмиграции особенно тяжело: они брались за любую работу, но без профессии и квалификации конкурировать с крайне дешевым местным китайским трудом им было чрезвычайно трудно. Эта невозможность конкурировать в неквалифицированном труде с китайскими чернорабочими (кули) являлась коренной особенностью, отличавшей положение российских эмигрантов в Китае от ситуации, складывающейся для эмиграции в других, особенно европейских странах, российского расселения. На получение работы им можно было рассчитывать только в своей, русской, или иностранной (не китайской) среде. В первое время своего эмигрантского существования эта часть русской диаспоры выжила во многом благодаря помощи благотворительных организаций.

Лучше начальная адаптация происходила у квалифицированной части рабочего класса (в частности, ижевских и воткинских рабочих), ремесленников и людей, обладающих определенными специальностями и трудовыми навыками. Положение квалифицированных специалистов, особенно технического профиля, тоже отличалось в Китае от европейских государств, – но несколько в лучшую сторону. Страна остро нуждалась в них; европейские технические знания ценились в Китае очень высоко. Российские беженцы во многом удовлетворили в них потребности Китайской Республики, внося крупный вклад в ее систему образования, техническое развитие и модернизацию [16].

Китайская Восточная железная дорога, будучи российским предприятием, естественно стремилась оказать всемерную помощь в трудоустройстве беженцев, но, разумеется, не могла предоставить работу всем. Основной массе приходилось искать заработок соглашаясь на любой труд, чтобы прокормить себя и свои семьи. Остро стоял вопрос с легализацией, т. е. с получением от китайских властей временного вида на жительство, позволяющего вообще оставаться в Маньчжурии. Но подлинным бичом являлась на первых порах безработица массы средней и высшей интеллигенции, высококвалифицированных людей: врачей, учителей, инженеров и техников, офицеров и чиновников, не говоря уже о людях без профессий. Для всех даже упомянутое выше «временное устройство» являлось серьезной проблемой. И для той, и для другой группы беженцев, прежде всего было необходимо бороться за выживание, за обеспечение существования в новых условиях – для себя и своих семей, – что для многих отодвигало на задний план продолжение какой-либо политической, а тем более – вооруженной – борьбы против власти, побеждавшей и утверждающейся в России, делая эту борьбу достоянием и делом рук узкой группы «вождей» и их немногочисленных (по меркам всей русской диаспоры) сподвижников.

Примечания

1. Серебренников И. И. Великий отход. Харбин, 1936. С. 125.
2. Фомин В. Н. и Фомин К. В. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав // Белая армия. Белое дело. 1997. № 2. С. 36.
3. Там же. С. 38.
4. Там же.
5. Там же.
6. Серебренников И. И. Великий отход. Харбин, 1936. С. 204.
7. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945) : сб. док. Южно-Сахалинск, 1994. С. 73.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.
9. Сергеев О. И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая) // Исторический опыт освоения восточных районов России : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 202.
10. Аварин В. Независимая Маньчжурия. М., 1934. С. 13.
11. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1922 гг.) М., 1997. С. 58.
12. ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 4–5.
13. ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 6–7.
14. Иванов Вс. И. Из Харбинского жития // Дело не получило благословения бога. Хабаровск, 1992. С. 334.
15. ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.
16. Мелихов Г. В. Российская диаспора и западная цивилизация в Китае // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы : тез. докл. 4-й Междунар. науч. конф. (Москва, 6–8 окт. 1993 г.). М., 1993. Ч. 2. С. 44–47.

Тема 4

Общественно-политическая жизнь русской эмиграции

Большинство русских беженцев принадлежало к культурной и политической элите Российской империи, что и предопределило беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, которые были созданы в зарубежье всего за несколько десятилетий. Вполне естественно, что культурная история русского зарубежья своей неоспоримой значительностью заслоняла, отодвигала на второй план её политическую историю. Однако без учёта политических реалий невозможно полноценное изучение культуры русского зарубежья, особенно это относится к дальневосточной эмиграции, которая имела свои специфические особенности в общественно-политической сфере.

Национальная разнородность харбинской эмиграции переплеталась с её политической, культурной, имущественной и конфессиональной неоднородностью. В этой связи имела место различная политическая ориентация – от полнейшего отрицания советской власти и её государственного строя до легитимистских настроений и готовности сотрудничать с Советами во имя возрождения Отечества; наличие различных слоёв с точки зрения образованности, способности к восприятию и воспроизводству культуры; от обывателей, постепенно утрачивавших национальное самосознание на основе адаптации к инонациональной среде, до представителей культурной элиты, создавшей образцы интеллектуального труда, обладавшими как национальными, так и общечеловеческими ценностями. В среде харбинской эмиграции выделялись отдельные предприниматели, имевшие фирмы, магазины, гостиницы, но основная масса относилась к людям ниже скромного достатка. Конфессиональный состав был представлен различными группами верующих, но боль-

шинство составляли православные. Харбинская эмиграция не была однородной и по профессиональной принадлежности.

Беженцы, не имеющие ни средств, ни полноценного правового статуса, встали перед задачей организации новой инфраструктуры для жизни на чужбине. В начале 20-х гг. ими было создано свыше 100 различных общественных политических и профессиональных организаций. Создание их шло разными путями. Одни союзы образовались от думских партий: социал-демократы (меньшевики), эсеры, кадеты. Возникновение других, таких как Российский общевоинский союз (РОВС) было связано с непосредственным ответом на революцию в России. Одни пылали ненавистью к коммунизму и вели активную борьбу против советской власти, как Дальневосточный корпус русских добровольцев. Другие, например партия младороссов, пытались найти путь к разрешению судьбы России через слияние нескольких политических платформ (монархия и советы). В противовес образованному в СССР комсомолу был создан союз мушкетёров, действовала местная организация «Братство русской правды» и др.

Политические организации российской эмиграции в Китае можно разделить на две группы: местные и те, что были филиалами соответствующих партий и союзов, действовавших в странах Европы и Америки. Из последних следует назвать Дальневосточный отдел Русского общевоинского союза (РОВС) в Шанхае, возглавлявшийся ген. М. К. Дитерихсом и ген. Г. А. Вержбицким; Трудовую крестьянскую партию во главе с Грачевым (с центром в Праге, где лидерами были бывшие эсеры Маслов и А. А. Аргунов). Харбинская группа этой партии была чрезвычайно малочисленной, но её пражская газета «Крестьянская Россия» пользовалась в Китае большой популярностью и имела многочисленных подписчиков.

Примером «примиренческих» организаций являлась партия «Младороссов» («Молодая Россия»), создателем и бесменным лидером которой в Париже был А. А. Казем-Бек, а харбинским отделением руководил Долматов. Совершенно непримиримую позицию в отношении большевизма занимало «Братство русской правды» (БРП) (с центром в Париже и Верховным советом во главе с ген. П. Н. Красновым). В Китае

«Братством» руководили генералы П. Г. Бурлин и В. Д. Космин; БРП вплоть до середины 30-х гг. использовало на Дальнем Востоке методы партизанской борьбы против советской власти [1, с. 73]. Среди местных политических партий и организаций можно выделить Лигу свободы и прав человека и гражданина, частично финансировавшуюся Г. М. Семёновым; Семёновский дальневосточный союз казаков, возглавлявшийся ген. А. П. Бакшеевым; Дальневосточный корпус русских добровольцев – группу, ведущую активную вооружённую борьбу против советов на территории Приамурья и Приморья, во главе которой стоял ген. Н. П. Сахаров; крайне правый Монархический центр (кн. Кропоткин); Союз легитимистов (под председательством ген. В. А. Кислицына), Союз легитимистов не признавал руководства Парижского союза, выступал за возведение на российский престол великого князя Кирилла Владимировича. Крупной и наиболее влиятельной религиозно-политической организацией было Иверское Свято-Богородицкое братство, активно проводившее антибольшевистскую пропаганду, а в Шанхае – русское Православное братство [1, с. 73].

Основной стратегической задачей всех организаций было свержение коммунистического режима в СССР, а важнейшей составной частью её являлась агитационно-воспитательная работа с эмигрантами, направленная на формирование у них «великороссийского государственного мышления». Значительное место уделялось рассмотрению вопросов о путях и методах государственного устройства будущей новой России после свержения тоталитарного режима. В проводимых дискуссиях высказывались диаметрально противоположные точки зрения: от оптимистической – быстрой трансформации советской власти в нормальную демократическую систему, и до мрачной констатации прочности большевистского режима и вытекающей из этого невозможности политических перемен в России в ближайшем будущем.

У русских эмигрантов Китая и Европы планы решения политической задачи – возрождения «новой» России, её исторической миссии имелись как созвучные мысли, так и существенные различия. Последние во многом определялись

особенностями дальневосточной политической эмиграции. Во-первых, в Китае не было таких именитых руководителей политических партий, как в Европе. Лидеры монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и других партий обосновались в городах Европы – Праге, Берлине, Париже и др. Во-вторых, партии, группы и организации здесь были малочисленнее, чем в Европе. Основные силы старых политических партий уехали в Европу в 1918–1920 гг., в то время как на Дальнем Востоке они стояли ещё у власти или входили в состав демократических правительств. И только в конце 1922 г. вынуждены были эмигрировать в Китай. В-третьих, политическим партиям и общественно-политическим организациям пришлось работать в условиях тоталитарного режима, который был во многом схож с режимом на родине. Всё это, несомненно, накладывало отпечаток на политическую жизнь российских эмигрантов в Китае.

Российская эмиграция видела себя активной политической силой, которой ещё предстояло решать судьбы России. Поэтому эмиграция ставила своей тактической целью – сохранить себя в условиях «беженства» как социально-экономическое, культурное и военно-политическое движение со своим видением новой России, которую предполагалось построить после свержения большевизма. Однако активной политической деятельностью на чужбине занимались немногие: по разным источникам – 3–5 % всех эмигрантов. Именно эта часть, уходя в изгнание, ставила перед собой конкретные политические цели: бороться за политические перемены на родине, освободиться от коммунистического режима. Пути и средства достижения этих целей у разных течений политической эмиграции были различны: от белого террора до мирного перерождения большевизма. Но тактика эмигрантских партий и организаций менялась с учётом изменений внутренней и международной обстановки в СССР.

Наиболее сильно здесь были представлены монархисты. Уже в 20-е гг. в Харбине и других городах Северо-Восточного Китая появились монархические группы и организации. Среди них «Орден крестоносцев» (рук. ген. Березовский), «Легитимисты», «Народно-монархическая партия» (председатель – ген. В. Д. Космин), «Военно-монархический союз» и др.

Гибель многих прежних партий, дореволюционного мирозерцания привела к появлению течений и организаций, принявших рождение нового государства. Ещё в годы Гражданской войны наиболее дальновидные представители интеллигенции предложили сменить тактику по отношению к советской власти. Именно здесь профессор Русского юридического факультета г. Харбина Н. Я. Устряловым впервые была высказана мысль об отказе от вооружённой борьбы с советской властью и необходимостью идти на сотрудничество с ней с целью восстановления могущества Российского государства. Возникло целое течение в российской эмиграции – сменовеховство. В Харбине сменовеховцы выпускали газету «Новости жизни», журнал «Назад», альманах «Русская жизнь». Однако они не нашли понимания среди эмигрантов. Жизнь показала, что идеи сменовеховцев в ближайшей перспективе были утопичны, но они носили патриотический характер, отражали процесс осознания частью российской интеллигенции трагедии народа и поиск путей выхода из неё. И здесь же, в Харбине, в 1931 г. сформировалась Русская фашистская партия (РФП). У истоков РФП стояли представители молодого поколения российской эмиграции во главе с К. В. Родзаевским, которые противопоставили себя старшим политикам, заявляя, что исправят допущенные теми ошибки и совершат в России «национальную революцию».

Одну из предпосылок образования фашистской партии следует видеть в социальном положении эмигрантской молодёжи. В отличие от Западной Европы, где молодое поколение россиян успешно адаптировалось к новым условиям жизни, в Маньчжурии оно составляло основную часть безработных (25 % всего трудоспособного населения). Находящаяся в чуждой национальной, культурной, религиозной среде, политически бесправная, разочарованная в белом движении молодёжь потянулась к идеологии фашистов. Следует не забывать и тот факт, что именно антисоветизм эмигрантов дал повод говорить об идейном родстве с фашизмом, который с начала 20-х гг. стал главным противником коммунизма в мировом масштабе. Пользуясь покровительством японских властей, РФП распространяло свои ячейки во мно-

гих районах Китая и в Японии, активизировала провокационную деятельность против СССР. Однако в целом в среде российских эмигрантов популярность РФП была невелика.

В противовес западной эмиграции, где в 30-х гг. в основном заглохли идеи организации вооружённой интервенции против СССР, в Северо-Восточном Китае дольше, чем где-либо, жила иллюзия возможности её осуществления. Этому способствовала концентрация в Маньчжурии Квантунской армии, в планах которой отводилось определённое место русским эмигрантам, а также возможность непосредственного выхода на весьма протяжённую советско-китайскую границу. Монархически настроенные руководители эмиграции готовы были идти на расчленение России с помощью японской военной силы. Японские власти обещали им в будущем «буферном» государстве участие в правительстве.

В 1935 г. В. А. Кислицын основал Дальневосточный союз военных, при котором были созданы: учебная команда для подготовки унтер-офицеров, военное училище для молодёжи, курсы старшего командного состава. В 1939 г. в союзе насчитывалось около 11,5 тыс. человек в том числе 126 сестёр милосердия, 4 военизированных отряда так называемых «потешных» (входили дети от 7 до 11 лет). Одновременно атаман Г. М. Семёнов пытался объединить казачество, проживавшее в Маньчжурской империи, в Союз казаков на Дальнем Востоке, в состав которого входило более 20 тыс. человек.

Эмиграция лишила русских людей того, что их объединяло в одно целое – государства, но не уничтожила у них стремление к единству. В этой ситуации особое значение приобретала способность российской эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), в 1923 г. (просуществовал до 1945 г.). Инициаторами в организации Комитета явились общественные деятели – члены национальных съездов, Земского Собора и др.

В первое правление ХКПРБ в 1923 г. вошли известные в то время представители общественности: Г. Н. Худаев, Н. В. Кожин, Д. В. Мурзаев, бывшие генералы Н. Г. Рачков,

М. М. Плешков и др. Почётными членами были избраны: бывший генерал-губернатор Приморья Н. Д. Гондатти, бывший управляющий КВЖД Д. Л. Хорват, митрополит Мефодий. Председателем Президиума Правления стал генерал И. Ф. Шильников.

В первое время число членов ХКПРБ не превышало 60–70 человек [2]. Постепенно ХКПРБ разросся в крупную организацию и к 30-м гг. в составе его правления были представители почти всех русских эмигрантских организаций в Маньчжурии.

Существенной частью работы ХКПРБ являлась общественная деятельность, наиболее активно проводимая в начале 30-х гг.: Комитетом созывались совещания национальных общественных организаций для решения внутренних эмигрантских вопросов. Члены Комитета собирали и публиковали материалы, дискредитирующие деятельность III Интернационала и советской власти, выступали с протестами против признания СССР, пропаганды безбожия и уничтожения церквей и т. д.

В связи с возросшим советским влиянием в полосе отчуждения после признания СССР Китаем требовалась большая осторожность, также и в проведении общественно-политических мероприятий. Однако вся проводимая в то время ХКПРБ работа играла важную роль в объединении эмигрантских сил и улучшении общественной деятельности среди эмигрантов. Это дало свои результаты. В 1929 г. в состав ХКПРБ входило уже свыше 70 организаций.

Пик деятельности Комитета приходится на 1929–1932 гг. В этот период его состав был наиболее многочисленным: 1930 г. – 290 человек, 1932 г. – 285 человек. Резко активизировалась его общественно-политическая и благотворительная деятельность. Комитетом была оказана большая помощь пострадавшим во время советско-китайского конфликта на КВЖД и наводнения 1932 г. Членами Комитета только в 1932 г. было роздано пострадавшим 7 056 предметов одежды и 1 556 пар обуви. В двух общежитиях – Модягу и Госпитальном городке – были предоставлены места 808 человекам. Выдано 30 893 хлебных пайка и столько же порций горячей пищи [3].

В состав ХКПРБ вступили казачьи землячества – «Забайкальская станица», «Амурская станица», «Уссурийская станица» и т. д. Членами ХКПРБ стали Русское студенческое общество, ДальОРОВУЗ (Дальневосточное объединение русских, окончивших вузы), Союз русских девушек, Торгово-промышленный союз и др. Это способствовало росту числа членов ХКПРБ до 547 человек.

Во вновь избранное 29 апреля 1929 г. Правление вошли известные в то время общественные деятели: П. А. Алмазов, Ф. М. Власов, С. И. Долов и др. Председателем нового Правления ХКПРБ стал руководитель торгово-промышленного союза (ТПС) В. И. Колокольников.

Несмотря на скромные возможности, ХКПРБ на протяжении всего периода своего существования оставался единственной устойчивой благотворительной организацией в Маньчжурии. Харбинский комитет оказывал эмигрантам бесплатную медицинскую помощь, проводил бесплатные обеды в своих столовых, выделял нуждающимся небольшие денежные ссуды. Членами комитета готовились и проводились вечера, концерты, лотереи, ежегодно – «День русской культуры», «День русского ребёнка». Собранные от проводимых мероприятий средства шли на оказание помощи эмигрантам, оплату обучения их детей в школах и гимназиях.

В 30-е гг. Комитет отпускал средства на открытие и содержание школ, харбинской библиотеки, насчитывающей в 1932 г. более 5 200 книг. С 1932 г. отделения ХКПРБ были открыты в 5 пунктах по линии КВЖД. После 1933 г. деятельность ХКПРБ стала угасать в связи с недостатком материальных средств.

Кроме ХКПРБ, заботу об эмигрантах осуществляли мужские и женские монастыри, церковные приходские советы, Общество инвалидов, Дамские кружки при различных организациях, родительские комитеты при учебных заведениях. В начале 30-х гг. в Харбине действовали не менее 13 благотворительных организаций [4].

Положение российских эмигрантов в Маньчжурии в конце 20–30-х гг. осложнилось острыми противоречиями внешнеполитического характера между СССР и Японией, свя-

занными с Китаем, который, в свою очередь, раздирался внутренней борьбой. В 1932 г. в результате агрессии Японии в отношении Маньчжурии здесь было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Так было положено начало реализации японской геополитики, в основе которой был принцип Ван-Дао («Императорский путь»). Суть его заключалась в провозглашении Японии первым государством на земле, а японцев единственной здесь божественной нацией. Согласно этому принципу японцам было предопределено господствовать над всеми народами.

В осуществление своей колониальной политики в Маньчжурии японские власти делали ставку на эмигрантское население страны, более всего страдавшего от произвола прежних китайских властей. Обещая эмигрантам обеспечение их прав, оккупационные власти рассчитывали в их лице иметь союзника для реализации своих планов. Особый интерес для японских властей представляла российская колония. Учитывая антисоветские настроения эмиграции, оккупанты рассчитывали использовать её для борьбы с СССР. Подчёркивая, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на её территории, японцы выражали своё сочувствие и к русским эмигрантам, покинувшим родину из-за непримиримости к коммунизму [5, с. 7].

Правителем Маньчжоу-Го был назначен представитель Цинской династии Пу И, но реальная власть сосредоточилась в руках японских оккупационных властей. 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было провозглашено империей, а Пу И императором. В связи с этим государство получило название Маньчжоу-Ди-Го.

К оккупации японцами Маньчжурии российские эмигранты относились по-разному. Часть из них увидела в происходящем начало больших событий, которые так долго ожидались ими. Ожидания эти были связаны с падением власти Чжан Сюэляна, разжигавшей шовинизм и не противодействующей, по их мнению, «советизации» Маньчжурии. Среди них были фашисты Родзаевского, атаман Семёнов и его единомышленники, а также агрессивные настроенные к СССР бе-

лоэмигранты, увидевшие в Японии силу, способную противостоять коммунизму и большевистскому режиму в СССР, дающую возможность возвращения на родину.

Для идеологической обработки русских эмигрантов стала выходить ежедневная газета «Харбинское время». Как отмечала Л. Хаиндрова, сотрудничать в ней стали те из русских, кто отличался крайними, для большинства эмигрантов неприемлемыми взглядами, а также люди заведомо непорядочные, давно махнувшие рукой на собственную репутацию [6, с. 85].

Старшее поколение эмигрантов, знавшее японцев по Гражданской войне, отнеслось к ним неприязненно. Так, не выразили восторгов Н. Л. Гондатти, генералы Дитерихс и Вержбицкий. Если фашистская газета «Наш путь» проводила антикитайскую агитацию, обрушивалась на тех, кто не высказывал готовность служить новым властям, то большинство эмигрантской прессы реагировало на происшедшие события осторожно: не давая им политической оценки, ограничивалось лишь констатацией фактов, руководствуясь при этом принципом полного невмешательства в политическую жизнь чужой страны.

Социально-пёстрая и политически разрозненная эмигрантская масса не могла быть надёжной опорой новой власти. Однако в создавшейся обстановке многие русские эмигранты вынуждены были пойти на службу японцам и принять их так называемый новый порядок.

Правительством и военными кругами Японии долго вынашивался план создания Великой Восточной Азии под её управлением, или, как называлось в официальных документах, «создание сферы взаимного процветания народов Восточной Азии». Поэтому основной задачей выдвигалось объединение и воспитание эмигрантов на новой идеологической основе, привлечение их к строительству «нового порядка» в Азии, а затем и в азиатской части России.

На русских эмигрантов оказывала давление и советская власть, зная враждебное их отношение к советскому режиму и боясь к тому же вторжения белых войск в Приморье, Забайкалье и Приамурье. Ответные меры эмигрантов лишь закре-

пляли их изоляцию от Родины, уменьшали и сводили на нет надежды на возвращение.

Вместе с тем с середины 30-х гг. под влиянием изменившейся военно-политической обстановки в Маньчжурии в общественно-политической жизни эмигрантов стали проявляться новые тенденции: возрождение русского патриотизма, отрицательное отношение к фашизму, с которым связывалась агрессивная, захватническая политика Японии. Шло политическое расслоение эмигрантов, основанное на отношении к советской власти, олицетворяющей собой Родину. Забота о жизненных, государственных интересах Родины постепенно побуждала многих из них оставить непримиримость к Советской России. Эти настроения не могли быть незамеченными японскими оккупационными властями в Маньчжурии.

Японское командование решило сразу поставить под контроль все эмигрантские организации, подавить патриотические настроения. Этому способствовало создание 25 июля 1932 г. «Кио-Ва-Кай» (Общество согласия), целью которого считалось воспитание в людях верности Маньчжоу-Го и борьба с национальной разобщённостью. По замыслу японской власти «Кио-Ва-Кай» должно было вести идеологическую обработку населения в прояпонском духе и создать «систему последовательной японизации всех сторон жизни, быта, культуры и образования на оккупационной территории» [7].

Работа с населением велась через сеть органов «Кио-Ва-Кай», подчинённых Центральному штабу. «Кио-Ва-Кай» пыталась распространить свою деятельность на все категории населения. Постепенно «Кио-Ва-Кай» вобрало в себя все политические, общественные и культурные организации Маньчжурии и подчинило их себе, установив тотальный контроль за русским населением через японских «советников» с неограниченными возможностями. Фактически «Общество согласия» было инструментом пропаганды идеологии «нового порядка» в Восточной Азии, опорой государства.

После заключения антикоминтерновского пакта пресса Маньчжоу-Ди-Го опубликовала Декларацию «Кио-Ва-Кай» о борьбе с коммунизмом, в которой Коминтерн и компартия объявлялись заклятым врагом мировой справедливости.

Звучал призыв к уничтожению коммунистов [8, с. 11–13]. В документах «Кио-Ва-Кай» говорилось, что сокрушить Коминтерн и остановить распространение коммунистических идей в Восточную Азию, а затем во всём мире можно, лишь уничтожив большевистский режим в СССР, являющийся оплотом коммунистических сил всего мира. Именно с этим связывались «особые задачи», стоящие перед российской эмиграцией.

Важную роль в выполнении этих задач играли дружины «Кио-Ва-Кай», созданные в 1938 г. Они стали опорными пунктами японского правительства на местах. Членами дружин в 1940 г. стали 4 тыс. человек, в том числе 2 тыс. женщин [9]. При «Кио-Ва-Кай» были созданы детские и юношеские организации – «Сионэндан» (Союз мальчиков – 10–15 лет), «Сейнэндан» (Союз юношей – 16–25 лет), подчинявшиеся местным штабам «Кио-Ва-Кай» при народных и повышенных народных школах. К концу 30-х гг. появились школьные организации Сионэндай, которые проводили большую воспитательную работу среди молодёжи в духе «нового порядка».

Перед японскими властями стояла задача объединения российских эмигрантов в единое целое под эгидой сильной политической организации, Они делали ставку то на Союз монархистов-легитимистов, то на РФП, то на Союз казаков на Дальнем Востоке.

В марте 1934 г. открылся русский отдел «Дайнихон сейгидан» (Великояпонский союз справедливости) под названием «Русское национальное объединение борьбы за правду» (РНОБП). Однако уже в середине 1934 г. РНОБП перестал существовать из-за разногласий как среди руководителей белоэмигрантов, так и среди японских органов, шефствовавших над РНОБП.

В сентябре 1934 г. в прессе появилось сообщение о проекте создания «Русского гражданского общества», которое, по замыслу его инициаторов, могло стать авторитетным представительным органом, играть роль эмигрантского консульства [10].

Идею создания такого общества поддержала одна из самых авторитетных и влиятельных организаций Харбина – ХКРПБ, но объединения не произошло. Причины были одни:

претензии отдельных партий на ведущую роль внутри диаспоры, неспособность преодолеть идеологические распри; отсутствие лидера или партии, пользующихся авторитетом и способных сплотить всех эмигрантов.

В конце концов японцы решили вопрос в административном порядке. 28 декабря 1934 г. был создан специальный орган – Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (в 1940 г. переименован в Главное бюро по делам российских эмигрантов), наделённый в отношении русских эмигрантов известными административными функциями. Он был связующим звеном между эмигрантскими массами и правительственными и административными инстанциями японцев, через который они осуществляли контроль за русским населением. Истинным мотивом к организации БРЭМа явилось стремление направить жизнь русской диаспоры в удобное для японской политики русло. Стоявшие во главе БРЭМа начальники (А. П. Бакшеев, В. А. Кислицын, Л. Ф. Власьевский и др.) играли чисто декоративную роль, фактическими руководителями были японцы.

Однако БРЭМ как общеэмигрантский центр, созданный японскими властями и зависимый от них, стал, тем не менее, своеобразным эмигрантским правительством, сыгравшим значительную роль в судьбе российской диаспоры в Китае, аналогов которому в русском зарубежье не было.

Финансовые средства на содержание Бюро выделялись японскими властями как благотворительный акт, вызванный якобы симпатией и сочувствием к российским эмигрантам, оказавшимся на чужбине в труднейших условиях существования.

БРЭМ обязан был обеспечить единство эмигрантов и подготовить их к борьбе с Коминтерном за возрождение России, возможное при установлении японского «нового порядка» в Восточной Азии. Он осуществлял политический надзор за эмигрантами, вёл учёт населения, регистрировал передвижение эмигрантов по стране. Весомую роль в БРЭМе играли фашисты: В. К. Родзаевский руководил культурно-просветительным отделом, который должен был способствовать внедрению японской идеологии в сознание эмигрантов; Н. А. Матковский являлся начальником административного

отдела, занимавшегося организацией агентурной сети для разведывательной и контрразведывательной деятельности.

На конец 1935 г. при БРЭМе было зарегистрировано 23 500 человек, из них 12 273 мужчин и 11 227 женщин. На станциях Пограничная – 1 366 (783 мужчины и 583 женщины), Ханьдаохэцзы – 1 266 (729 мужчин и 537 женщин), Цицикар – 353 (186 мужчин и 167 женщин) [11]. Эмигрантское население могло работать только в тех организациях, которые были зарегистрированы в БРЭМе. На начало 1935 г. на учёте в Бюро состояли 128 организаций по следующим категориям: политических – 2, общественных – 37, научных и профессиональных – 26, бывших военных – 18, организаций молодёжи – 19, благотворительных – 15, церковных приходов и духовных общин – 11. На 15 декабря 1935 г. в Бюро насчитывалось уже 163 организации.

К осени 1936 г. отделения Бюро работали в Дайрене, Синьцзине, ст. Маньчжурии, Трехречье, Хайларе, Бухэду, Цицикаре и других местах. В общей сложности в 23 пунктах существовали представительства Харбинского бюро или его отделения. К концу 1935 г. в Харбинском бюро насчитывалось 140 служащих, в марте 1936 – 215 человек, в 1944 – 250, в марте 1945 – 360 [12].

Одной из острейших проблем эмигрантов являлась безработица, следствием которой были крайне низкий уровень жизни россиян и высокая смертность. Наиболее высок удельный вес эмигрантов был в полосе отчуждения, где основная масса населения была занята на обслуживании дороги. С целью решения вопросов трудоустройства и жизнеобеспечения русских железнодорожников в 1935 г. в структуре БРЭМа был создан железнодорожный отдел (рук. М. А. Матковский). На учёт были взяты все железнодорожники как эмигранты, так и подданные Маньчжоу-Ди-Го. Через Бюро труда была проведена регистрация по специальностям, а в марте 1935 г. через железнодорожный отдел БРЭМ на службу по линии Государственных железных дорог было устроено 1 016 русских эмигрантов. К концу года на учёте отдела уже стояло 1 910 русских служащих Государственных железных дорог.

В декабре 1935 г. железнодорожный отдел был преобразован в 6-й отдел с двумя подотделами: железнодорожный и трудовой. Последний взял на учёт безработных всех остальных специальностей, а также лиц неквалифицированного труда. К концу декабря 1935 г. было зарегистрировано 6 750 безработных [13]. Наиболее тяжёлой задачей было трудоустройство женщин: из 6 750 человек, числившихся в списках отдела, 2 300 человек шли по категории «женский труд».

Для решения задачи по ликвидации безработицы создавались трудовые артели, изыскивались подряды на работу, организовывались крестьянские, пчеловодческие и садоводческие хозяйства. Были созданы кассы взаимопомощи и службы страхования и охраны труда малолетних. Путём отчисления 1 % от заработной платы лиц, получивших работу при помощи БРЭМа, а также путём благотворительности был создан фонд безработных, давший возможность не умереть с голоду сотням эмигрантов. Отчасти проблема безработицы решалась путём переселения в малообжитые сельскохозяйственные районы, например, в Тоогенский район. Переселенческая политика была частью движения за «служение сельского хозяйства делу становления нового порядка в Восточной Азии», организованного Управлением развития земледелия при активном участии «Кио-Ва-Кай». Многие эмигранты переезжали в Тоогенский район лишь потому, что переселенцев призывного возраста временно освобождали от воинской повинности.

Большую помощь в трудоустройстве оказывали благотворительные учреждения: ХКПРБ, Епархальный приют им. митрополита Мефодия, Серафимовская народная столовая, Дом милосердия, Ольгинский приют и др.

Идеологическую работу проводил культурно-воспитательный отдел БРЭМ. Вместе с «Кио-Ва-Кай» он занимался идеологической обработкой эмигрантов в духе антисоветизма, антикоммунизма и преданности Японии в ответ за те «сочувствие» и «заботу», которую японские власти проявляли в отношении россиян, проживающих в Маньчжоу-Ди-Го. Для формирования у населения чувства «благодарности» к Стране восходящего солнца и распространения японского

образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая разработала программу мероприятий для осуществления поставленной задачи. На местах, при учебных и общественных заведениях эмигрантов была создана сеть кружков с аналогичным названием, где изучались история, культура, язык Японии, разъяснялась современная политическая ситуация. Если в начале 30-х годов эмигрантам рекомендовалось изучение японского языка для лучшего взаимопонимания двух «дружественных народов» (японского и русского), то в начале 40-х оно стало обязательным. Необходимым стало участие эмигрантского населения в национальных праздниках и торжествах Японии и Маньчжоу-Ди-Го.

После подписания Японией с гитлеровской Германией и фашистской Италией 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта», а также после известных событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол в 1938–1939 гг. среди эмигрантов были созданы антикоммунистические комитеты, поставившие своей целью борьбу с антигосударственными и другими «вредными» течениями. Центральный антикоммунистический комитет имел свой орден «Возрождение Азии». Он предназначался для награждения русских эмигрантов, активных борцов на антикоммунистическом поприще.

С целью активизации антисоветской работы среди эмигрантов Комитет разрешил проведение всевозможных политических акций – собраний, митингов, в которых участие эмигрантов стало обязательным. В календаре появился новый праздник – День антикоминтерна, отмечаемый 1 июня как акция протеста против «злодеяний» Коминтерна. Проведением мероприятий руководил специально созданный для этой цели штаб. Как правило, в программу дня входила панихида по жертвам коммунистического террора, антикоммунистическая демонстрация, общеэмигрантское собрание. 1 июня 1940 г. прошёл очередной такой день, на котором с докладом «Новая тактика мировой тьмы и наши задачи» выступил лидер фашистской партии В. К. Родзаевский. В этом празднике приняло участие значительное число эмигрантских организаций, враждебно настроенных к советскому строю.

С целью антикоммунистического воспитания эмигрантов проводились и «Дни непримиримости». Они выпадали на 7 ноября каждого года. Церемония начиналась со служения панихиды по царской семье, воинам белых армий, погибших после взятия большевиками власти в 1917 г. Затем проводился митинг, на котором с призывами к борьбе с большевиками выступали лидеры фашистских организаций, прояпонских группировок. Очень часто антибольшевистские настроения подогревались ностальгическим национализмом.

Главное бюро по делам российских эмигрантов опубликовало книгу «Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов», в которой содержалось политическое заявление, что с подчинением Азии Японии «...будет освобождена Россия». Поэтому главная задача русской эмиграции – содействие японскому командованию в утверждении нового порядка [14, с. 8]. 26–27 декабря 1944 г. в Харбине был созван эмигрантский съезд, на котором японские власти заявили, что в связи с войной «вся личная и общественная жизнь эмигрантов должна быть подчинена борьбе за победу Японии. В случае поражения Квантунской армии наступит смерть эмиграции» [15, с. 129]. Начальник Главного бюро Матковский издал инструкцию, в которой были конкретизированы обязанности эмигрантов в чрезвычайных условиях. Российские эмигранты должны были активно участвовать в создании Великой Азии. От них ждали жертвенности, самоограничения, содействия властям.

Со второй половины 1941 г. во многих районных отделениях БРЭМ стали создаваться военизированные отряды эмигрантов. А. П. Бакшеев (руководитель Захинганского районного бюро) докладывал, что провёл военизацию всех российских эмигрантов от 17 до 55 лет, организовал военную подготовку и сформировал сводный Хайларский полк.

К концу 1943 г. на территории Маньчжурии существовало три воинских отряда: на ст. Сунгари-2, на ст. Ханьдаохэцзы и в районе Хайлара. Официально эти формирования назывались «российскими воинскими отрядами армии Маньчжоу-Ди-Го» и комплектовались из молодых эмигрантов, имели русский командный состав, соблюдали устав русской армии.

Бойцам русских воинских отрядов и их семьям оказывалась материальная поддержка как финансовая, так и продуктовая. Отъезжающим на службу Бюро устраивало прощальную «чашку чая», где произносились напутственные речи, служили молебны.

Особым рвением к службе в воинских отрядах русская молодёжь не отличалась. Но следует учитывать фактор материальной заинтересованности, заставлявший русских юношей идти на службу, чтобы поддержать свою семью в условиях голодного военного времени.

Ко времени нападения фашистов на СССР численность наших соотечественников во многих странах уменьшилась. Многие представители старшего поколения умерли. Примерно 10 % уехавших за прошедшие два десятилетия (1917–1939 гг.) вернулись на родину. Кто-то принял новое гражданство, перестав быть эмигрантом. К 1943 г. количество русских эмигрантов в Маньчжурии сократилось до 70 тыс., из них 40 тыс. человек проживали в Харбине и его окрестностях, а 30 тыс. – в других городах Маньчжурии и в полосе КВЖД. Из этого числа только незначительное количество эмигрантов было вовлечено в военную деятельность, большинство же занималось поисками средств к жизни.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало разнобразную реакцию среди эмигрантов. Просоветские элементы призывали к сплочению рядов под знаменем Сталина. Некоторым пришлось разрываться между ненавистью к Советам и своим патриотизмом, из-за которого они не могли не сочувствовать своей Родине. Но были и такие, кто видел в Гитлере своего освободителя.

Эмигрантам, проявившим свои патриотические настроения, Указами Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. было предоставлено право получить советское гражданство. Сотни россиян в Китае обратились с просьбой о предоставлении им советского гражданства в возобновившую свою работу консульскую миссию в Шанхае. Вернувшись в СССР, они не один год отбыли в сталинских тюрьмах и лагерях, но после освобождения остались жить на Родине [16].

Завершение разгрома фашизма в 1945 г. означало новую эпоху в истории российской эмиграции. На родину возвратились далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Те, кто не вернулся «к большевикам» и остался, составили так называемую старую эмиграцию. Вместе с тем возникла и «новая эмиграция», которую, в основном, составляли «перемещённые лица». Но это уже новая страница в истории российского зарубежья.

Примечания

1. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. 245 с.
2. ГАХК. Ф. 1128. Харбинский комитет помощи русским беженцам. Оп. 1. Д. 115. Л. 9–11.
3. Там же, Оп. 1. Д. 115. Л. 9–11.
4. ГАХК. Ф. 830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Оп. 1. Д. 285. Л. 131.
5. Заря. Харбин. 1932. № 43.
6. Хаиндрова Л. Отчий дом // Харбин. Ветка русского дерева. Новосибирск, 1991. 224 с.
7. ГАХК. Ф. 830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Оп. 1. Д. 285. Л. 288.
8. Что такое «Кио Ва Кай». Харбин, 1931. 25 с.
9. ГАХК. Ф. 830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Оп. 1. Д. 7. Л. 21, 84.
10. Рупор. Харбин. 1934. 19 сент.
11. ГАХК. Ф. 830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Оп. 1. Д. 30. Л. 30, 42, 43.
12. Там же, Оп. 1. Д. 2. Л. 211–212.
13. Там же, Оп. 1. Д. 2. Л. 108.
14. Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов. Харбин, 1942. 35 с.
15. Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность, состав // Acta Slavica Japonica. Т. XIV. 1996. С. 125–134.
16. Тарданов Г. Путь к правде // Голос Родины. Харбин, 1963. № 65(766). Ноябрь.

Тема 5

Культурная среда российской эмиграции

Наибольший интерес для науки представляет наследие первой волны российской эмиграции в Китае. Часть его имеет лишь историческую ценность, другая же, относящаяся к литературе, философии, искусству, имеет непреходящее значение и продолжает обогащать русскую культуру и сегодня. Поэтому исследования отторгнутых от России пластов культуры, переоценка сложившихся представлений о ней являются актуальными и адекватными реалиям нового времени.

Российская эмиграция, оказавшаяся в 20–30-е гг. в Маньчжурии, родилась из политических потрясений в России начала XX в. Однако по своей сути она не была просто политической. Проблемы политической борьбы не являлись главными для беженцев. Они были заняты борьбой за выживание на чужбине. Поэтому идейные противники советской власти в среде эмигрантов, как считает ряд исследователей, были песчинками в море [1; 2]. По разным источникам активной политической деятельностью занимались от 3 до 5 % эмигрантов [3, с. 12]. Основная же часть эмиграции, и в первую очередь – интеллигенция, стремилась делом служить Отечеству, не испытывая при этом желания заниматься политикой.

Оказавшись в чужой, незнакомой стране, не зная языка, культуры, обычаев, русская эмиграция не рассматривала себя как группу людей, спасшихся от политических преследований. Наоборот, они хотели ощущать себя полноценной и неотъемлемой частью России. Как нигде, русская интеллигенция противилась ассимиляции, стремилась поддерживать русский дух и образ мысли. Немалое содействие ей оказали соотечественники, жившие в Маньчжурии ещё со дня постройки КВЖД.

Эти первые переселенцы сохранили в своей среде прочные традиции культуры и просвещения старой дореволюционной России, научной и благотворительной деятельности и к 1917 г. прочно вросли корнями в почву края.

По мнению многих исследователей, русских эмигрантов 20–30-х гг. нельзя сравнивать с теми, кто покинул Родину в поисках лучшей доли, какими бы мотивами они не руководствовались. Для них эмиграция стала не только способом физического выживания, а приобрела характер культурной миссии. Определяющим для русской интеллигенции, считавшей себя хранителем и носителем национальной культуры, оставался морально-нравственный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной миссии.

Служение русской идее понималось ими достаточно широко. Во-первых, они считали своей главной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта с тем, чтобы не прерывалась связь времён и поколений, чтобы сохранилась основа для будущего возрождения России вне зависимости от того, суждено ли было им вернуться домой или умереть на чужбине. Во-вторых, они считали своим долгом познакомить народ страны проживания с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях человеческого знания [4, с. 99, 100].

Было ещё и желание думать и творить свободно. Выехавшие из России осознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками, – пишет исследователь деятельности эмигрантов П. Е. Ковалевский. – Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы [5]. Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению в их нелёгкой жизни национального чувства, препятствовали растворению и забвению в чужой среде. Не будем проклинать изгнание, а будем трудиться во славу будущей России [3, с. 21, 22], таков был девиз эмигрантов-интеллигентов.

Для эмигрантов культура была важнейшей составной частью их национального самосознания, мироощущения об-

разованного русского человека. Все достижения в литературе, художественном и научном творчестве, отмеченные печатью особой русской индивидуальности, находили выход в рамках таких институтов, как школы, вузы, книги, журналы, театр, церковь. Для продуктивной творческой жизни в изгнании нужны были производители и потребители культурных ценностей.

Эмигранты жаждали читать, смотреть, слушать произведения, созданные представителями русской диаспоры. Из двух России, – пишет Марк Раев, – возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твердую и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более подлинной и более продуктивной в культурном отношении [4, с. 16]. Культурная жизнь, отмеченная особой духовностью, не затихала ни на один день. Сами трудности (политическое давление, материальные лишения, бытовые и языковые неудобства и многое другое), оказались, служили стимулом к творческой активности.

Наиболее крупным очагом русской культуры в Маньчжурии был Харбин, где сильнее всего ощущалось влияние русских. Это было вызвано, на наш взгляд, следующими факторами: оторванностью дальневосточной окраины от западных центров, а также наличием здесь базы культурной общественной жизни, заложенной русскими ещё при строительстве КВЖД, т. е. до 1917 г.; ведущей ролью родного русского языка, как средства общения, при разнообразном этническом составе этого русско-китайского города; компактностью проживания русских в городе и по всем населённым пунктам линии КВЖД.

С прибытием беженцев из России население города увеличилось до 300 тыс. человек. Город жил насыщенной и содержательной духовной жизнью. Русское население было грамотным, тянулось к культуре. Хорошие материальные условия привлекали сюда квалифицированные кадры работников в различных отраслях производства и культуры. Харбин играл важную роль во взаимодействии русской и китайской культур. Здесь шёл интенсивный процесс обмена практическим и технологическим опытом в различных отраслях

хозяйства. Общеобразовательные русские и русско-китайские школы, частные гимназии, больницы, русские магазины, названия улиц на русском языке – все это благотворно воздействовало на русских эмигрантов, которые внесли живую культурную струю в жизнь Харбина.

Были открыты новые театры, опера, оперетта, симфонический оркестр, Высшая музыкальная школа, выходили десятки русских газет, журнал Рубеж. Пополнилась академическая среда: открылся юридический факультет, политехнический институт и т. д.

Находясь в центре многих политических событий, Харбин сумел сохранить свой российский облик, стал средоточием культурной и просветительской деятельности дальневосточного русского зарубежья. Этот китайский город дал уникальную возможность российской высокообразованной интеллигенции, не разделявшей идеалы революции, сохранить классическую русскую культуру с её гуманистическим пафосом и духовно-нравственными ценностями, пронести её через трудные десятилетия, подарить России богатство своей культурной ветви.

Насыщенной и плодотворной была литературная и издательская жизнь русского зарубежья. Здесь жили и работали такие известные поэты и писатели, как Н. Федорова, Н. Ильина, В. Перелешин, Д. Бурлюк, Вс. Иванов, Е. Яшнов, С. Алымов, А. Несмелов, более молодые литераторы-эмигранты: В. Обухов, М. Волин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Н. Резникова, Г. Сатовский, Б. Юльский, Л. Ещин, Буткевич, Н. Шелохов, О. Скопаченко, В. Янковская, В. Логинов, Е. Рачинская. Некоторое время в Харбине жили и работали писатель Е. Замятин, поэты В. Матвеев, Н. Дворжецкий и др. У каждого из них была своя судьба, но объединяло их одно: они очень тяжело приживались на чужбине, находя утешение в своих произведениях, сохраняя и оберегая русскую культуру в изгнании. Были и другие писатели. Описывая тёмные и мрачные стороны местной жизни, подогревая в себе и других ненависть к Китаю и китайцам, они не замечали необыкновенного трудолюбия китайского народа, его нелегкую жизнь и борьбу с угнетателями. Их произведения полны пессимизма,

тоски, безысходности и упадничества. К ним относятся писатели и поэты Н. Борисов, М. Ершов, М. Щербаков, Л. Астахов, Н. Новицкий, Н. Астахов и др.

В литературной среде Маньчжурии было много талантливых писательниц и поэтесс, волею судьбы оказавшихся по ту сторону Родины. О многих из них не осталось письменных свидетельств. К счастью, архивные страницы харбинского «Рубежа» сохранили талантливые строки Марианны Колосовой, Виктории Янковской, Ирины Лесной, Ларисы Андерсен и др.

Интересна и ярка событиями судьба Ларисы Андерсен – поэтессы и танцовщицы восточной ветви русского зарубежья. В 2006 г. ей было 90 лет, жила во Франции в маленьком городке Иссанжо. Благодаря приморской журналистке Т. Калиберовой, подготовившей к изданию в 2006 г. вторую книгу стихов нашей соотечественницы «Одна на мосту», читатели и исследователи получили возможность познакомиться с творчеством этой незаурядной женщины, по-русски лиричным и искренним, в то же время пронизанным воздухом Китая [6, с. 2].

О творчестве Марианны Колосовой стало известно в 1968 г., когда поэтессы уже не было в живых. Ю. В. Крузенштерн-Петерец, правнучка великого мореплавателя, некогда харбинская, позже – шанхайская, затем – калифорнийская журналистка вспоминала в статье Чураевский питомник в парижском журнале Возрождение (№ 204): Иногда вечера «Чураевки» посещала известная на Дальнем Востоке поэтесса М. Колосова. Только она и Арсений Несмелов кормились в Харбине стихами. Колосова, впрочем, кормилась ими впроголодь [7, с. 214, 215].

В 1928 г. в Харбине у Колосовой вышел первый сборник стихов Армия песен. На чужбине ей удалось издать четыре сборника: 1930 г. – Господи, спаси Россию!, 1932 г. – Не покорюсь, 1934 г. – На звон мечей, 1937 г. – Медный гул. Само название сборников говорит о том, что поэзия М. Колосовой занимала в литературной жизни Харбина совершенно особое место. В середине 30-х гг. она делает попытку печататься в прояпонском ежемесячнике Луч Азии, но для этого издания она была слишком русской поэтессой. В Харбине Колосова

выходит замуж за А. Н. Покровского и в 1935 г. семья переезжает в Шанхай.

Чтобы выжить, она открыла для русских эмигрантов платную библиотеку, но это не спасало от нищеты. В 1958 г. она уезжает в Чили, вновь пытается организовать работу библиотеки. В отрыве от Родины она теряет себя как поэтесса. Родина отторгла, а чужбина не приняла и не поняла её. Подтверждением тому являются слова писателя В. Набокова в интервью корреспонденту «Иностранной литературы» в 1995 г.: «Эра эмиграции закончилась во время Второй мировой войны. Старые писатели умерли, русские издатели тоже исчезли, и, что хуже всего, общая атмосфера ссыльной культуры с её великолепием, мощью и чистотой, с её чуткой способностью к отражению жизни рассеялась, оставив горстку русскоязычных изданий с худосочным талантом и провинциальной интонацией» [8].

Елена Недельская – харбинская поэтесса. Детство провела в Самаре, потом – Харбин, замужество. Первые стихи написала в 10 лет, будучи учащейся гимназии им. генерала Хорвата. Они сразу же были опубликованы в школьном журнале. Писать – для меня радость ни с чем несравнимая – высказывалась она о себе в Рубеже [9, с. 6]. Её любимые поэты: Пушкин, Лермонтов, Блок. Она идеалистка со своей любовью к природе, людям, душе человеческой. Её стихи искренни, ненадуманно, словно глоток родниковой воды. В 1940 г. в Харбине вышел первый сборник стихов Елены Недельской «У порога», в 1943 г. увидел свет второй сборник «Белая роща». В конце 50-х гг. они с мужем уехали из Харбина в Австралию. В 1978 г., за два года до смерти, вышел третий сборник её стихов. Излечиться от ностальгии по Родине Недельская так и не смогла. Свидетельство тому всё её творчество.

Небольшой анализ женской ветви поэзии дальневосточного зарубежья позволяют сделать вывод о том, что поэтессы, несмотря на малочисленность в творческих кругах эмигрантов, оставили заметный след в литературе. В своих художественных исканиях они смогли особенно трепетно передать любовь к Родине, острое чувство тоски по ней и постоянное стремление быть ближе к родной земле. Это веские аргу-

менты в пользу того, чтобы авторы продолжили изучение литературного наследия представительниц русского зарубежья.

Многие писатели, художники, композиторы, очутившись в изгнании, в своих мемуарах признавали, что им действительно не хватает российского пространства, шири воздуха, что их пугает новая, незнакомая среда.

Почти 400 тыс. изгнанников оказались в Китае. Многие из них умерли на чужбине. Другие нашли в себе силы вернуться на Родину. А третьи, осознав крах своих расчётов и иллюзий на скорое возвращение к родным очагам, пришли к осознанию необходимости устраиваться в чужой стране согласно её традициям и условиям быта, не теряя при этом своей культурной и этнической самобытности.

Поэтому на протяжении долгих лет предпринимались меры для сохранения национальных традиций и языка в чужеродной среде. Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, большой такт, чтобы найти те формы образования и воспитания, которые бы позволили новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней духовную привязанность.

После того, как отгремела Гражданская война, пошли на убыль политические страсти, русская эмиграция уже другими глазами смотрела на Советскую Россию. Имя А. С. Пушкина поневоле стало для неё связующим звеном с потерянной Родиной. Зародившийся в 1925 г. в Эстонии День русской культуры, сочетаемый с днем рождения Пушкина – 6 июня, уже в 1926 г. отмечался в 20 странах. Для русских эмигрантов, развеванных по всему свету войной, он был духовной потребностью, напоминанием, что они – русские.

Русские прихожане шли в церкви, все были объединены чувством братского родства, трудности забывались, переполняла гордость за принадлежность к земле, которую так неповторимо воспел великий поэт.

Бывшая эмигрантка Е. Таскина вспоминает:

«Несмотря на скудный бюджет организаторов и трудное материальное положение большинства эмигрантов, “День русской культуры” неизменно отмечался в торжественной волнующей обстановке, напоминая россиянам об их принад-

лежности к волнующей русской культуре. После выступления лидеров эмиграции устраивались концерты, на которых звучала русская музыка, исполнялись народные русские песни и танцы, в перерывах проводились конкурсы и благотворительная лотерея» [10, с. 150].

В Китае с годами пушкинский праздник стал не только национальным русским, но и китайским знаменательным событием в культурной жизни, так как пушкинские строки находили отклик в сердцах людей. Этому весьма способствовали китайские переводчики, а также то обстоятельство, что в качестве зрителей, а нередко и непосредственных исполнителей музыкальных и театральных представлений, активно участвовали китайская общественность и население.

Подводя некоторые итоги исследуемой темы, можно сделать вывод о том, что русская культура восточного зарубежья и, прежде всего – литература, стала формой выражения русского культурного идеала, получившего всемирное признание. В эмиграции литература приобрела еще более существенное значение для сохранения её национальных особенностей, поскольку богатый русский язык и образная речь являли признаки принадлежности к великой нации. Русское слово, устное и печатное, связывало изгнанников между собой.

Конечно, литературная жизнь в Харбине, Шанхае, Даляне, Мукдене, Тяньцзине была менее организована, чем в Париже или Праге. Но и в них русские поэты и писатели в изгнании формировали и поддерживали различные союзы, комитеты, творческие союзы и кружки. К примеру, было открыто Восточное отделение Союза русских писателей и журналистов.

Как и вся русская эмиграция, её литературная общественность была идейно неоднородна. Одни лояльно относились к советской власти, объясняли свое изгнание досадной случайностью и стремились вернуться на Родину (Вс. Иванов, Л. Хаиндрова), другие разделяли цели белого движения и ненавидели коммунистов (Б. Юльский, М. Колосова), третьи сторонились политики (А. Несмелов, В. Перелешин, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшнов). Верные офицерской чести, обла-

давшие врожденной интеллигентностью последние были русскими поэтами-патриотами, любящими Россию.

Живя и занимаясь творчеством в тяжелых материальных и моральных условиях, испытывая повседневный идеологический прессинг, особенно в условиях японской экспансии в Китае 30-х гг., лучшие представители дальневосточной диаспоры сохранили традиции и национальную культуру – неотъемлемую часть общей российской истории и культуры.

Перед современными исследователями стоит непростая задача: восполнить пробел в истории отечественной культуры XX в., вернуть на Родину культурное наследие дальневосточной эмиграции с тем, чтобы русская национальная культура обрела характер целостности, а поколения россиян познакомились с неизвестными пластами русской культуры, оказавшимися вне России, но всегда остававшимися в духовной связи с ней.

Примечания

1. Квакин А. В. Общее и особенное в положении русской диаспоры первой волны. Тверь: ТГУ, 1992. 44 с.
2. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.
3. Боханов Е. Такая разная эта эмиграция // Книжное обозрение. 1993. № 36.
4. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.
5. История российской интеллигенции : материалы и тез. науч. конф. М., 1995. 285 с.
6. Андерсен Л. Н. Одна на мосту. М. : Русский путь. Библиотека-фонд "Русское зарубежье", 2006. 483 с.
7. Рубеж. Владивосток, 1995. № 2.
8. Три интервью с В. Набоковым // Иностран. лит. 1995. № 11. С. 232–248.
9. Рубеж. Харбин, 1940. №24.
10. Русский эмигрантский альманах «Россия». Шанхай, 1926.

Тема 6

Образование в эмиграции

Важно отметить, что русские эмигранты сумели сохранить родной язык, русские национальные обычаи и традиции, культуру быта и труда, способствовали модернизации образования и созданию такой образовательной системы, которая удовлетворяла практические запросы и духовные интересы не только русского, но и китайского населения. Она включала в себя общеобразовательные школы, гимназии, коммерческие училища, высшие учебные заведения. Характерной особенностью в учебных заведениях являлся билингвизм (преподавание на русском и китайском языках), смешанное образование. В Харбине были задействованы особые механизмы сохранения «русскости», адаптации российских эмигрантов к местным условиям и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Русская школа в Маньчжурии выступала в роли не только хранительницы национальных ценностей, но и передавала молодому поколению, в том числе и китайцам, большую часть русских достижений, традиций и культурного наследия.

Система школьного образования базировалась на российской дореволюционной модели, которая включала в себя как начальные школы, так и средние учебные заведения.

Развитие школьного образования в полосе отчуждения КВЖД шло по двум статьям расходов: на средства управления дороги и от частной инициативы. Первая русская школа в Маньчжурии была открыта на средства КВЖД в 1898 г. в Старом Харбине. Возглавил её педагог И. С. Степанов. Далее школы стали появляться не только в административном городе Харбине, но и вдоль железной дороги, в посёлках и на крупных станциях. Преимущество при приёме отдавалось детям, чьи родители работали или были связаны с железной дорогой. Несмотря на тяжёлое положение в годы русско-

японской войны учебный процесс не прекращался, а школы продолжали строиться. Рост населения в полосе отчуждения за счёт свободных поселенцев, не имевших отношения к деятельности железной дороги, вызывал насущную потребность в создании частных школ, гимназий и других учебных заведений.

Первая 4-классная гимназия была открыта в Харбине в 1903 г. М. С. Генерозовой, ранее преподававшей в Смольном институте Петербурга и отдавшей педагогической деятельности 35 лет [1]. М. А. Оксаковская в 1906 г. основала первую Харбинскую женскую гимназию. Воспоминания о времени учёбы в ней сохранила наша соотечественница, известная поэтесса и танцовщица восточной ветви русского зарубежья Лариса Андерсен.

В 1925 г. в Харбине также открывается гимназия Христианского союза молодых людей. Она имела обширную программу деятельности, основанную на традициях русской классической культуры, целью которой было развитие у молодого поколения эмигрантов стремления к упорной работе над своим образованием. Учащимся предлагалось самостоятельно выбирать пути и формы самообразования, создавались благоприятные условия для развития христианской культуры у юношей и девушек. Кроме русских в гимназии также учились поляки, сербы, татары, грузины, корейцы, китайцы. Это способствовало межнациональному сближению, расширяло познания гимназистов в области культуры, традиций, обычаев других народов.

Кроме теоретических курсов по истории, литературе, естественным наукам большое внимание уделялось воспитанию у молодых людей высоких нравственных качеств и гражданской позиции. В этом им помогали талантливые педагоги такие, как А. А. Ачаир-Грызов, Н. А. Мирандов, Т. П. Гордеев, Е. Н. Киструсская и др. Так, Алексей Алексеевич Ачаир-Грызов, помимо преподавательской деятельности, активно и вполне успешно занимался литературным творчеством. Он был руководителем литературной студии «Молодая Чураевка», созданной на базе ХСМЛ, как «независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского, русского брат-

ства» в 1926 г. Молодёжи нравилось, когда учитель читал свои стихи, аккомпанируя себе на рояле.

Здесь выступали с интересными сообщениями Вс. Иванов, Арсений Несмелов, Н. К. Рерих. Беседы и доклады, концерты и собрания, театральные постановки происходили еженедельно [2, с. 23].

Трудно переоценить роль школ и гимназий, в условиях зарубежья позволивших родителям дать детям русское образование и воспитание, сохранить родной для них язык, национальную самобытность и культуру.

В Маньчжурии, и это подтверждается рядом исследований, сложились довольно благоприятные условия для образовательной деятельности в отличие от европейских стран, где также обосновались эмигранты «первой волны».

В частности, в Германии, Франции со второй половины 20-х гг. дети эмигрантов, как правило, посещали местные школы. Русские же учебные заведения, которые функционировали лишь за счёт частных пожертвований самих эмигрантов и незначительной помощи со стороны правительств стран проживания, закрывались по причине скудности поступлений средств, а дисциплины, призванные знакомить детей с русской культурой, изучались частным порядком. К концу 1929 г. в странах Европы имелось лишь 37 русских средних школ, где обучались около 5,5 тыс. учащихся [3, с. 360].

Данное обстоятельство позволило Харбину в этом отношении занять лидирующие позиции. Этому способствовали и особые механизмы сохранения «русскости» и адаптации русских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Дети эмигрантов в Маньчжурии, как правило, не посещали китайскую школу. У них был выбор между русской и англоязычной (английской или американской) школами. В большинстве случаев родителями предпочтение отдавалось русскому образованию.

Необходимо отметить, что подобные результаты сохранения традиций русской школы и их развития в чрезвычайно сложных условиях эмиграции были достигнуты также благодаря поистине подвижническому труду педагогов.

Так, в школах КВЖД к концу 1930 г. трудилось 420 учителей, 77 человек из них имели высшее образование, неполное высшее – 101, средне-специальное – 73, остальные – среднее [4, с. 41]. Примечательно то, что к этому периоду в школах не осталось педагогов с неполным средним образованием, тогда как десятью годами ранее их было около 50 человек.

В период с 1922 по 1930 г. более чем в два раза возросло число учителей, имеющих стаж работы от 11 до 15 лет и от 16 до 20 лет. Менялся и возрастной состав преподавателей. Если в 20-е гг. основу педагогических коллективов составляла молодёжь от 20 до 30 лет и люди среднего возраста от 31 до 40 лет, то в 30-х гг. почти вдвое возросло количество учителей среднего возраста, имеющих хорошее образование, педагогический стаж и немалый жизненный опыт, что, естественно, сказалось и на качестве образования. Подобная картина наблюдалась и в других русских учебных заведениях Китая [5, с. 66].

В целях лучшей организации школьного процесса в 1906 г. был образован учебный отдел, которым в течение 20 лет руководил талантливый педагог, подвижник и администратор Н. В. Борзов. Созданное в 1908 г. Харбинское общественное управление (ХОУ) взяло на себя содержание всех школ, где обучались дети, не служивших на дороге родителей. Расходы ХОУ на учебную часть до 16 % всего городского бюджета и имели тенденцию к росту [6]. В 1910 г. ХОУ получило полную самостоятельность в содержании своих школ, а школы, содержавшиеся на средства железной дороги и частные, находились под патронажем учебного отдела КВЖД.

За 10 лет с момента появления первой школы в полосе отчуждения КВЖД (1898–1908 гг.) вдоль линии дороги насчитывалось 18 начальных школ с 50 преподавателями и 1 825 учащимися. Но уже к 1917 г. в Маньчжурии было 50 начальных школ, 22 из которых – железнодорожных, мужское и женское коммерческие училища, трёхклассная торговая школа и технические классы при Харбинских железнодорожных мастерских. Имелись две частные женские гимназии, частное мужское учебное заведение 1-го разряда, 5 начальных

школ и школа-приют для детей офицеров и нижних чинов пограничной стражи Заамурского округа, одно высшее начальное училище, содержавшееся на средства ХОУ.

Следует отметить, что в русские школы принимались и китайские дети. К примеру, в 1903 г. в Харбине была открыта Образцовая русско-китайская школа, в которой занималось 20 китайских мальчиков. В Цицикаре работала русская школа для китайцев, где учились 35 китайских детей [7, с. 158]. При главных железнодорожных мастерских в Харбине были созданы вечерние курсы, где учились и одновременно приобретали специальность русские и китайские подростки.

Повышению внимания к распространению знаний среди китайских детей послужило то, что в Южной Маньчжурии, отошедшей после войны к Японии, японцы проводили активные преобразования в области образования. Потому подготовка будущих кадров для КВЖД, воспитание русских и китайцев в духе взаимной солидарности стало одной из важнейших забот администрации КВЖД. Учебные заведения, где обучались китайцы, строились и содержались за счёт дороги. По окончании среднего учебного заведения китайские подростки могли продолжить учёбу в России, а также в местных учебных заведениях.

Практика совместного обучения русских и китайских детей продолжалась и в советское время, но обучение для всех стало платным. Содержание одного русского ученика в школе 1-й ступени в 1926 г. составляло 69,9 руб., а китайского – 77,5 руб., в школе 2-й ступени – 137,7 руб. и 272 руб. соответственно. Разница в оплате объяснялась тем, что китайские учебники и методические материалы обходились дороже, чем русские [8, с. 199].

С переходом КВЖД в совместное управление заметно увеличилось количество школ для детей китайских служащих и рабочих. Принимались в них и дети частных лиц китайского происхождения. К концу 30-х гг. функционировали 16 городских и линейных, две частные школы, среднее учебное заведение, училище Пу Юй и специализированное училище, имевшее название «Юбилейное техническое училище имени первого председателя правления дороги Сюй Цзинчена».

Наряду с организацией школьного образования в Маньчжурии русские эмигранты в эти же годы приступили к созданию системы высшего образования.

В 1922 г. на базе Русско-китайского техникума после соответствующих преобразований был основан Русско-китайский политехнический институт, со временем ставший крупнейшим высшим учебным заведением среди 6 русских вузов Харбина. Своим основанием институт прежде всего обязан КВЖД. Администрация дороги предоставила институту помещение, необходимое оборудование, а также приняла решение о выделении ежегодной субсидии в 75 тыс. рублей золотом [9, с. 525]. Помимо этого в финансировании проекта приняли участие Харбинский Биржевой комитет и частные лица.

Коллегиальным органом института было правление, избиравшееся ежегодно из русских и китайских представителей. Российская сторона была представлена В. Ф. Ковальским, С. Ц. Оффенбергом, П. С. Тищенко и др. Председателем правления являлся Н. Л. Гондатти, первым директором – инженер А. А. Щёлков (1920–1925). Институт имел два факультета: электромеханический и инженерно-строительный, а также подготовительные курсы для китайских студентов.

В феврале 1928 г. институт переименовывается в Политехнический институт Особого района Восточной провинции, а уже в ноябре – в Харбинский политехнический институт (ХПИ), в правление которого стали входить представители СССР на КВЖД и высшей китайской администрации.

Десятилетний юбилей института в 1930 г. был широко отмечен не только самим коллективом, но и общественностью Харбина. К тому времени уже было создано 17 кафедр и 4 доцентуры, количество студентов составляло 902 человека [10, с. 125–126]. В ХПИ преподавали С. П. Тимошенко, П. Ф. Козловский, О. М. Обухов, Н. К. Пафнутьев, П. С. Свиридов и др.

После оккупации Маньчжурии Японией ХПИ в 1934 г. был закрыт для русских студентов, русский служебный персонал уволен. Однако часть бывших преподавателей организовала курсы при Христианском союзе молодых людей под названием Северо-Маньчжурский политехнический институт.

Претерпев ещё ряд преобразований, после освобождения Маньчжурии Советской Армией в декабре 1945 г. ХПИ открылся вновь. К концу 1949 г. число его выпускников составляло более чем 3 500 человек. В связи с образованием КНР правительство Советского Союза 7 июня 1950 г. передало институт китайской стороне. К 1955 г. использование русского языка в ХПИ было отменено [11, с. 525].

Кроме политехнического института в Харбине в 30-е гг. работали ещё пять вузов, в которых было более 1 600 русских студентов. По количеству наших соотечественников, обучавшихся в высших учебных заведениях, Харбин уступал только Парижу, где в 1928 г. насчитывалось 2 385 русских студентов-эмигрантов [12, с. 125–126].

В 1920 г. русскими профессорами был основан Харбинский юридический факультет с тремя отделениями: юридическим, экономическим, ориентальным. В нём работали 34 русских преподавателя-эмигранта [13]. В этом же году создаётся и Педагогический институт. Среди его выпускников О. М. Макарова, Л. М. Добржанская, К. М. Имшеницкая и др. Посвятившие свою жизнь педагогической деятельности, обладавшие высокими гражданскими качествами, они стремились сформировать у студентов национальное самосознание, любовь к родине и всему русскому. Многие женщины, окончившие Харбинский педагогический институт, пошли работать в русские учебные заведения, которых к началу 30-х гг. насчитывалось 74 без учёта вузов, спецшкол, кратковременных курсов. Всего же в средних и начальных учебных заведениях в 1930 г. качестве преподавателей работали более 150 женщин.

В 1925 г. был открыт Институт ориентальных и коммерческих наук. Популярностью также пользовались Северо-Маньчжурский университет, где наряду с русскими обучались и китайские студенты, а также Институт иностранных языков. К 1932 г. получили вузовское образование 6 тыс. русских [14].

И если главной задачей начальной и средней школы было изучение родного языка и знакомство с русской культурой, то высшая школа рассматривала своё предназначение гораздо шире. Помимо подготовки студенческой молодёжи к активной профессиональной и общественной деятельности

ставилась задача создания условий для русской интеллигенции продолжать свою научную и творческую деятельность за пределами родины. Стремясь сохранить российские традиции, вероисповедание, культуру, преподаватели были искренне уверены, что готовят кадры для будущей России. Эта уверенность держалась на устойчивой убеждённости эмигрантов в скором возвращении на родину и желании дать достойное образование своим детям.

В начале 30-х гг. во многих странах, где проживали русские эмигранты, стали создаваться Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗы). Их целью было оказание всевозможной помощи нуждающимся студентам, прежде всего, в успешном завершении образования, а также содействие в трудоустройстве русских специалистов. Одним из первых ОРОВУЗ появился во Франции.

В 1932 г. при Харбинском комитете помощи русским беженцам был организован ДальОРОВУЗ под председательством профессора Н. Е. Эсперовой. Почётным председателем являлся генерал Д. Л. Хорват, учредителями стали 19 человек, в том числе Б. С. Румянцев, А. Е. Грачёв, М. М. Покровский и др.

На первом съезде вышеуказанных объединений, проходившем в сентябре 1932 г. в Париже, представители от шести стран, в том числе и Маньчжурии, приняли постановление, узаконившее деятельность объединения, а также его программу и Устав. ДальОРОВУЗ помимо помощи студентам-эмигрантам в Китае изыскивал возможности обучения молодых людей в других странах, в частности, в США. В первый год своей деятельности организация насчитывала 76 человек, но уже через год в её рядах состояло 159 человек. Это были юристы, педагоги, синологи, инженеры из Харбина, Шанхая, Мукдена, Тяньцзиня.

Японская оккупация Маньчжурии, как мы уже упоминали ранее в отношении ХПИ, подвергла последовательной «японизации» всю систему образования. Этот процесс начался ещё в 20-х гг. на территории Квантунской области и в зоне отчуждения КВЖД.

С марта 1932 г. в Маньчжоу-Го стали пребывать японские специалисты в различных областях образования, началось издание новых учебников, учебных пособий и другой методической литературы, в основу содержания которых были положены морально-этические принципы конфуцианства. Цель создания новых учебников – дать интерпретацию с позиций Японии внутренним и международным событиям, воспитывать у молодёжи и населения лояльное отношение к режиму и побуждать к сотрудничеству с Японией. Уже в 1935 г. было открыто 280 школ японского.

В 1937 г. была проведена реформа народного образования, которая не могла не затронуть и русскую диаспору. Японские власти стремились создать такую систему образования и воспитания, которая бы способствовала формированию у молодого поколения прояпонских убеждений, обеспечивая тем самым сохранение политического и экономического господства Японии в Маньчжурии.

Для достижения этой цели все учебные заведения, в том числе и эмигрантские, переводились на единые учебные программы и централизованное управление. В связи с реформой были закрыты русские частные учебные заведения: гимназия Я. В. Дризуль, Объединённая гимназия, в 1935 г. возникшая на базе слияния гимназий М. С. Генерозовой и Пушкинской, учебные заведения М. А. Оксаковской, Первое реальное училище, Алексеевское реальное училище, Первое общественное коммерческое училище. Что касается последнего, то оно было перестроено в Первую Харбинскую русскую школу языкознания, где основу преподавания составляло обучение японскому языку.

По особому разрешению властей сохранилось несколько частных школ: детский сад и школа Чесноковой, детский сад и школа Тороповой, еврейские и мусульманские начальные школы.

В мае 1937 г. все эмигрантские школы были переведены на трёх-ступенчатую основу: первая ступень – начальные школы, вторая – повышенные народные школы, третья – высшие народные школы с четырёхлетним циклом обучения.

Учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях строился в духе принципов Ван-Дао. Стратегия образования и

просвещения разрабатывалась идеологами из «Кио-Ва-Кай», от решения особого отдела это организации зависела также и судьба самих учебных заведений. На губернских съездах «Кио-Ва-Кай» решались вопросы, связанные с функционированием учебных заведений: организация учебного процесса, снабжение школ, разработка направлений и форм воспитательной работы и т. д.

В тяжелейших условиях оккупации 30–40-х гг. в Харбине продолжали действовать старые учебные заведения и даже возникали новые. К последним можно отнести Приют францисканок (основательница – игуменья Мария Де-Лянж), Приют урсулинок (основательница – игуменья Мария Сливовская), Высшая народная школа Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (директор – Ф. К. Мухачев), Народная школа на Почтовой улице, Затонская школа, а также несколько профессиональных школ [15, с. 15].

Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, дипломатический талант и настойчивость, чтобы в условиях оккупации найти адекватные времени и условиям формы образования и воспитания, которые позволили бы новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней любовь и духовную привязанность.

Сложной и противоречивой была научная жизнь дальневосточной эмиграции. В 30-е гг. в Маньчжурии находилось около 200 русских учёных, среди них бывшие профессора российских университетов и высших школ. Однако если брать самые первые годы эмиграции, то эта цифра была бы значительно больше. Из Владивостока вместе с другими беженцами выехала группа профессоров Томского, Иркутского университетов, других вузов Дальнего Востока и Сибири. Среди них профессора Н. В. Устрялов, И. Г. Баранов, Е. М. Чепурковский, Б. В. Скворцов и др. [16, с. 301]. Дальневосточный Государственный университет вынуждены были покинуть такие известные профессора, как В. А. Рязановский, С. М. Широкоглазов, Г. К. Гинс и др.

Среди русских семей, выехавших в Маньчжурию, были целые научные династии. Семья Елисеевых дала зарубежью трёх выдающихся исследователей. Отец Сергей Григорьевич

являлся ведущим специалистом по Китаю и Японии, сын Никита Сергеевич был признанным знатоком Ближнего Востока, второй сын Вадим Сергеевич продолжил исследования отца, а позднее стал директором музея китаеведения в Париже.

Подлинным центром русской науки стал Харбин, где в разные периоды действовали одиннадцать высших учебных заведений с выдающейся русской профессурой. Харбинский юридический факультет внёс заметный вклад в интеллектуальную жизнь русского зарубежья.

Уровень, на котором проводились исследования, был столь высок, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Помимо собственного журнала, харбинские профессора и лучшие студенты печатались на страницах иностранных изданий, писали монографии. Так, профессора Г. К. Гинс и В. А. Рязановский активно занимались изучением проблем международных отношений, проводили анализ политической ситуации и права в Монголии.

Наличие значительной научной базы в Маньчжурии способствовало созданию научных обществ. Общество врачей было образовано в Харбине в 1929 г., учредителями которого стали известные врачи Г. А. Бергман, А. В. Линдер (председатель), М. К. Коровко, С. Е. Мазин, В. Ф. Серебряков и др. Просуществовав 10 лет, Общество провело 102 научных заседания, на которых было заслушано 122 доклада, подготовлено несколько выставок новейшей аппаратуры. Члены организации приняли непосредственное участие в борьбе с холерой и другими заболеваниями.

В этот же период самостоятельно и плодотворно действовало Общество молодых фельдшеров и акушеров под председательством М. Т. Попова. 17 лет просуществовало Учительское общество под председательством директора Высшей народной школы Ф. К. Мухачева, в состав которого входили эмигранты-педагоги.

Общество инженеров состояло из двух ветвей : объединения русских инженеров, получивших высшее техническое образование в специальных учебных заведениях императорской России, под председательством талантливого инженера М. М. Осколкова, а также союза российских инженеров, закон-

чивших высшие учебные заведения в Маньчжурии и других странах, который возглавлял инженер Н. И. Калугин.

Возглавляемое профессором Н. И. Никифоровым в Харбине действовало объединение русских журналистов, целью которого была защита профессиональных, экономических и правовых вопросов русских журналистов в эмиграции.

В кругах научной интеллигенции дальневосточного зарубежья достаточно известны были Общество русских ориенталистов (1922), Общество изучения Маньчжурского края (1922), Национальная организация исследователей-пржевальцев (1929) и целый ряд других научных организаций и кружков.

Общества ежегодно издавали научные журналы, сборники, где публиковались отчёты экспедиций, итоговые результаты крупных исследований, статьи по широкому кругу проблем. Большой популярностью пользовались такие издания, как «Экономический вестник Маньчжурии», Статистические ежегодники, «Вестник Азии», «Известия Общества изучения Маньчжурского края» и др. В период с 1922 по 1928 г. Обществом изучения Маньчжурского края было издано 70 тысяч книг, 10 выпусков «Известий», 16 – «Бюллетеней», 9 – «Трудов» [17].

Значительная роль в организации научной деятельности принадлежала ДальОРОВУЗУ. В 1932 г. при активном участии объединения было проведено торжественное совещание, посвящённое памяти выдающихся русских учёных – академика С. Ф. Платонова и профессора А. А. Кизеветтера. Культурно-просветительская работа проводилась в форме «чашек чая», «интеллектуальных центров». На них собирались для общения литераторы, историки, философы, экономисты, юристы, происходил обмен идеями, обсуждалось положение дел в России, распространялась информация о достижениях в науке, литературе, искусстве, истории и др. Целям пропаганды знаний служили секции при ДальОРОВУЗе: восточно-экономическая, инженерная, физико-математическая и др. В 1933 г. появилась секция отечествоведения и кружок изучения России.

Важную роль в системе образования и научно-исследовательской деятельности играли библиотеки, хотя их фонды были не столь богаты. Наибольшей популярностью

пользовались библиотеки Коммерческого собрания, Харбинского Комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), Бюро по делам Российских эмигрантов (БРЭМ) и др.

Следует отдать должное российским эмигрантам в Маньчжурии, сумевшим в трудных условиях существования не только сохранить русское образование и науку, но и обогатить их новыми идеями, глубокими теоретическими исследованиями, которые ещё предстоит изучить и осмыслить новым поколениям исследователей.

Примечания

1. ГАХК. Ф. 1128. Харбинский комитет помощи русским беженцам. Оп. 1. Д. 78, л. 186–190.
2. Андерсен Л. Н. Одна на мосту. М. : «Русское зарубежье», 2006. 483 с.
3. Руднев В. В. Судьбы эмигрантской школы // Хрестоматия. Педагогика русского зарубежья. М., 1996.
4. Поляков Д., Эльтеков Б. Железнодорожные школы для детей граждан СССР // Вести Маньчжурии. 1930. № 18.
5. Лазарева С. И., Сергеев О. И., Горкавенко Н. Л. Российские женщины в Маньчжурии. Краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996.
6. ГАХК. Ф. 831. Общество единения народов маньчжурской империи «Кио-Ва-Кай» (1932–1945 гг.) Оп. 2. Д. 42. Л. 95.
7. Мелихов Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1991. 315 с.
8. Кузнецов В. С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 4.
9. Приморский край : крат. энцикл. справ. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
10. Печерица В. Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. 188 с.
11. Приморский край : краткий энцикл. справ. 596 с.
12. Печерица В. Ф. Указ. соч. 188 с.
13. ГАХК. Ф. 1128. Харбинский комитет помощи русским беженцам (1923–1945 гг.). Оп. 1. Д. 129. Л. 60, 75, 78.
14. Там же. Оп. 1. д. 41. Л. 8, 13, 14).
15. Рубеж. 1938. № 3.
16. Великая Маньчжурская империя (10-му юбилею). Харбин, 1942.
17. ГАХК. Ф. 380. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1934–1945 гг.). Оп. 1. Д. 112, Л. 123.

Заключение

Дальневосточная российская эмиграция 1920–30 гг., сконцентрированная главным образом на территории Северо-Восточного Китая, явила исторический пример массового переселения достаточно большой группы людей на территорию другого государства и их адаптации в иных географических, политических, экономических, культурных, национальных условиях. Исторически сложившаяся, в силу ряда причин (нелегальная золотодобыча русских старателей в Маньчжурии, самовольные переходы населением Забайкалья русско-китайской границы и основание ими поселений в междуречье Аргуни и Амура, наконец, постройка и эксплуатация КВЖД как совместного российско-китайского предприятия) задолго до революционных событий, русская диаспора Китая увеличилась во много раз за счет массовой эмиграции после революционных событий в России и разгрома белых армий в Гражданской войне. Сложившаяся ранее диаспора во многом помогла новым переселенцам, благодаря налаженным культурным, хозяйственно-экономическим и политическим связям, тем самым облегчила участь оказавшихся в инокультурной, инополитической, иноязычной, инациональной среде представителей постреволюционной эмиграции в этом регионе расселения, оказала положительное влияние на процесс адаптации.

Российская эмиграция берегла и сумела сберечь те стороны национальной жизни, которые пришли из далекой старины: традиции, язык, веру, патриотизм, сохранила духовное родство с Родиной вопреки жизненным обстоятельствам и испытаниям, выпавшим на ее долю. Тем самым подала и завещала потомкам пример достоинства и национального самосознания русского народа.

Контрольные вопросы по курсу

1. История российской эмиграции. Перспективы изучения темы.
2. Источниковая база и литература по истории российской эмиграции.
3. Формирование основных центров российской эмиграции в Европе и на Востоке.
4. Российская эмиграция на Востоке: основные черты, ее численность, динамика, адаптационные проблемы.
5. Социально-экономическая жизнь российской эмиграции на Востоке.
6. Общественно-политическая жизнь дальневосточной российской эмиграции.
7. Политические, общественные и военные организации эмиграции.
8. Культура в эмиграции: особенности и роль.
9. Видные деятели российской эмиграции.
10. Судьбы эмигрантов и значение российской дальневосточной эмиграции.

Рекомендуемая литература

Мемуары

Арнольдов Л. В. Китай, как он есть / Л. В. Арнольдов. – Шанхай, 1933. – 371 с.

Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками / И. Г. Акулинин. – Шанхай, 1937. – 135 с.

Дземешкевич Л. К. Харбинские были / Л. К. Дземешкевич. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. – 284 с.

Дземешкевич Л. К. Харбин / Л. К. Дземешкевич. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. – 230 с.

Енборисов Г. В. От Урала до Харбина / Г. В. Енборисов. – Шанхай, 1932. – 155 с.

Зуев А. В. В борьбе за Родину / А. В. Зуев. – Харбин, 1937. – 132 с.

Казаков В. Г. Немые свидетели / В. Г. Казаков. – Шанхай, 1936. – 120 с.

Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. В 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). – М. : РОССПЭН, 2006. – 446 с.

Краснов П. Н. На рубеже Китая / П. Н. Краснов. – Париж, 1939. – 125 с.

Кайгородов А. М. Он был забайкальский казак / А. М. Кайгородов // Сиб. огни. – 1994. – № 2–6.

Лавров И. А. В стране экспериментов / И. А. Лавров. – Харбин, 1934. – 383 с.

Руднев С. П. При вечерних огнях: Воспоминания / С. П. Руднев. – Харбин, 1928. – 89 с.

Семёнов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы / Г. М. Семёнов. – Харбин, 1938. – 384 с.

Серебренников И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919–1923 / И. И. Серебренников. – Харбин, 1936. – 267 с.

Сергеев Вс. И. Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке / Вс. И. Сергеев. – Харбин, 1937. – 235 с.

Исследования

Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае / Н. Е. Аблова. – Минск : БГУ, 1999. – 316 с.

Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) : монография / О. К. Антропов. – Астрахань : ИД «Астрахан. ун-т», 2008. – 326 с.

Антропов О. К. Третий путь для России. Постреволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. : монография / О. К. Антропов. – Астрахань : ИД «Астрахан. ун-т», 2011. – 625 с.

Антропов О. К. История отечественной эмиграции : учеб. пособие / О. К. Антропов. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Астрахань : Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 2011. – 409 с.

Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) : монография / Е. Е. Аурилене. – 2-е изд., доп. – Хабаровск : Издат. дом «Частная коллекция», 2008. – 268 с.

Барихновский Г. В. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.) / Г. В. Барихновский. – Л., 1978. – 160 с.

Балакшин П. П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на дальнем Востоке : в 2 ч. / П. П. Балакшин. – Сан-Франциско, 1955–1957. – Ч. 1. – 430 с.; Ч. 2. – 374 с.

Белов В. Белое похмелье / В. Белов. – М. ; Пг., 1923. – 149 с.

Бобрищев-Пушкин А. Война без перчаток / А. Бобрищев-Пушкин. – М., 1925. – 127 с.

Великая Маньчжурская империя. – Харбин, 1942. – 417 с.

Великая эпоха. – Харбин, 1942.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР / Д. Л. Голинков. – М. : Полит. лит., 1986. – 397 с.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л. Ф. Говердовская. – М. : Ин-т Дальнего Востока, 2004. – 189 с.

Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945 / Г. Ф. Захарова. – М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1990. – 266 с.

Иванов Вс. Н. Дело человека: опыт философии и культуры / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1933. – 153 с.

Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Дума о русском опыте / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1932.

Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1977. – 320 с.

Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле – М., 1997.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 452 с.

Кара-Мурза Г. С. Исторический очерк Маньчжурии / Г. С. Кара-Мурза. – Чита, 1945.

Квакин А. В. Общее и особенное в положении Российской диаспоры первой волны / А. В. Квакин. – Тверь, 1992. – 47 с.

- Киржниц А. У порога Китая / А. Киржниц. – М., 1924. – 70 с.
- Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР / Н. Кичкасов. – М., 1928. – 40 с.
- Кислицын В. А. В огне гражданкой войны / В. Кислицын. – Харбин, 1936. – 113 с.
- Кислицын В. А. Пантеон воинской доблести и чести / В. А. Кислицын. – Харбин, 1941. – 488 с.
- Кислицын В. А. Пути русской молодежи / В. А. Кислицын. – Харбин, 1944. – 248 с.
- Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом / В. В. Комин. – Калинин, 1977. – 121 с.
- Костиков В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) / В. Костиков. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 464 с.
- Кузнецова Т. В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. : биограф. слов. / Т. В. Кузнецова ; Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск, 1998. – 67 с.
- Левитский В. В. Пристань на Сунгари / В. В. Левитский. – Харьков, 1998. – 172 с.
- Лунченков И. За чужие грехи / И. Лунченков. – М. ; Л., 1925. – 196 с.
- Любимов Л. И. Очерки по экономике Маньчжурии / Л. И. Любимов. – Харбин, 1934. – 208 с.
- Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. – 317 с.
- Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г. В. Мелихов. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 245 с.
- Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г. В. Мелихов – М. : Рус. путь, 2003. – 440 с.
- Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925–1932 / Г. В. Мелихов. – М. : Рус. путь, Викмо-М, 2007. – 320 с.
- Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII в / В. С. Мясников. – М. : Наука, 1980. – 516 с.
- Мухачев Ю. В. «Новая тактика» российской контрреволюции и её провал. 1920–1922 гг. / Ю. В. Мухачев // Исторические записки. – М., 1977. – С. 55–57.
- Назаров М. Н. Миссия русской эмиграции / М. Н. Назаров. – М. : Родник, 1994. – 416 с.
- Новейшая история Китая. 1928–1949. – М., 1984. – 440 с.

Печерица В. Ф. Восточная ветвь русской эмиграции : монография / В. Ф. Печерица. – Владивосток, 1994. – 186 с.

Раев М. Россия за рубежом / М. Раев. – М. : Прогресс-академия, 1994. – 296 с.

Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. – М. : Весь Мир, 2013. – 701 с.

Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. – М. : Наука, 1974. – 302 с.

Сонин В. В. Крах белой эмиграции в Китае / В. В. Сонин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987.

Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 гг. / Дж. Стефан. – М. : Слово, 1992. – 448 с.

Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Ю. Суомела ; пер. с фин. яз. Л. В. Суни. – СПб. : Коло, 2004. – 352 с.

Таскина Е. П. Русский Харбин / Е. П. Таскина. – М. : МГУ, 1998. – 192 с.

Тимонин Е. И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.) / Е. И. Тимонин. – Омск, 2000. – 291 с.

Тимонин Е. И. Национальная культура русского зарубежья (1920–1930-е гг.) : монография / Е. И. Тимонин. – Омск : Изд-во СиБАДИ : Изд-во ОмГПУ, 1997.

Устрялов Н. В. На новом этапе / Н. В. Устрялов. – Шанхай, 1930.

Худобородов А. Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции / А. Л. Худобородов. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т, Ин-т гуманитар. исслед., 1997. – 112 с.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987. – 272 с.

Статьи

Белоусов С. Дважды перевербован / С. Белоусов // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 5. – С. 136–138.

Водопьянов А. Дальневосточная эмиграция. БРЭМ / А. Водопьянов // Русские в Китае. – 1999. – № 16. – С. 14–15.

Дубинина Н. И. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции / Н. И. Дубинина, Ю. Н. Ципкин // Белая армия. Белое дело. – 1996. – № 1. – С. 78–80.

Дятлов В. Диаспоры: попытка определиться в понятиях / В. Дятлов // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8–23.

Ермакова Э. В. Дальневосточная эмиграция в исторической литературе: постановка проблемы / Э. В. Ермакова // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 68–70.

Кротова М. Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914 гг. / М. Кротова // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 1. – С. 125–130.

Лазарева С. И. Российские женщины в Манчжурии / С. И. Лазарева // Россия и АТР. – 1995. – № 3. – С. 28.

Малявина Л. С. Харбинский комитет помощи русским беженцам: возникновение, деятельность, место среди эмигрантских центров Северо-Восточного Китая / Л. С. Малявина // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 44–46.

Матафонов В. А. Предпосылки образования ЗКВ / В. А. Матафонов // Материалы регион. науч.-практ. конф. «Забайкальское казачество: история, традиции, перспективы развития». – Чита, 2000. – С. 62–63.

Мелихов Г. В. Российская диаспора и западная цивилизация в Китае / Г. В. Мелихов // Тез. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». – М., 1993. – Ч. 2. – С. 44–47.

Мухачев Ю. В. Российская эмиграция: численность, расселение / Ю. В. Мухачев // Русское зарубежье: история и современность: сб. ст. РАН ИНИОН. Центр компл. исслед. рос. эмиграции. – М. – 2013. – Вып. 2. – С. 245–252.

Наумов И. В. Гражданская война на Дальнем Востоке в исторической литературе российской эмиграции / И. В. Наумов // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 56–60.

Пронин А. Война с Желтороссией / А. Пронин // Коммерсант – Власть. – 2000. – 7 нояб.

Сергеев О. И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая) / О. И. Сергеев // Тез. Междунар. докл. и сообщ. Междунар. науч.-практ. конф. «Исторический опыт освоения восточных районов России». – Владивосток, 1993. – Кн. 2. – С. 201–204.

Сергеев О. И. Казачья эмиграция в Китае / О. И. Сергеев // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 78–80.

Серебрянников И. И. Очерки экономической географии Китая / И. И. Серебрянников // Вестн. Азии. – 1925. – № 53. – С. 5–7.

Фомин В. Н. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав / В. Н. Фомин, К. В. Фомин // Белая армия. Белое дело. – 1997. – № 2. – С. 35–41.

Фомин В. Н. Культурная жизнь русской эмиграции в Китае / В. Н. Фомин // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 35–38.

Чапыгин И. В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. / И. В. Чапыгин // Наука и школа. – 2013. – № 4. – С. 175.

Чапыгин И. В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) / И. В. Чапыгин // История Белой Сибири : материалы VII Междунар. науч. конф. : сб. ст. / под ред. С. П. Звягина. – Кемерово : ИНТ, 2009. – С. 275–281.

Чернолуцкая Е. Н. Антисоветская деятельность русских военно-политических эмигрантских объединений в Манчжурии и политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е гг. / Е. Н. Чернолуцкая // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 32–35.

Диссертации

Аурелине Е. Е. Российская эмиграция в Манчжурии в 30–40-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / Е. Е. Аурелине. – Владивосток, 1996. – 208 с.

Бегидов А. М. Военное образование зарубежной России, 1920–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / А. М. Бегидов. – М., 2001. – 508 с.

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: (Организация, идеология, экстремизм) : дис. ... д-ра ист. наук / В. Ф. Ершов. – М., 2000. – 486 с.

Мальшенко Г. И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937 : дис. ... канд. ист. наук / Г. И. Мальшенко. – Омск, 2001. – 164 с.

Писаревская Я. Л. Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, сер. 1920-х – сер. 1930-х гг. (Социально-политический состав, быт, реэмиграция) : дис. ... канд. ист. наук / Я. Л. Писаревская. – М., 2001. – 241 с.

Пронин А. А. Российская эмиграция в современной историографии : дис. .... канд. ист. наук / А. А. Пронин. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.

Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции, 1920–1939 : дис. ... канд. ист. наук / О. В. Ратушняк. – Краснодар, 1996. – 186 с.

У Нань Линь. Русская диаспора в Китае 20–30-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / У Нань Линь. – М., 2001. – 260 с.

Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции, 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис. ... д-ра ист. наук / А. Л. Худобородов. – М., 1997. – 433 с.

Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Чапыгин. – Иркутск, 2006. – 187 с.

Чиченюкин В. Г. Русские эмигрантские воинские организации, 1920–1940 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Чиченюкин. – М., 2000. – 218 с.